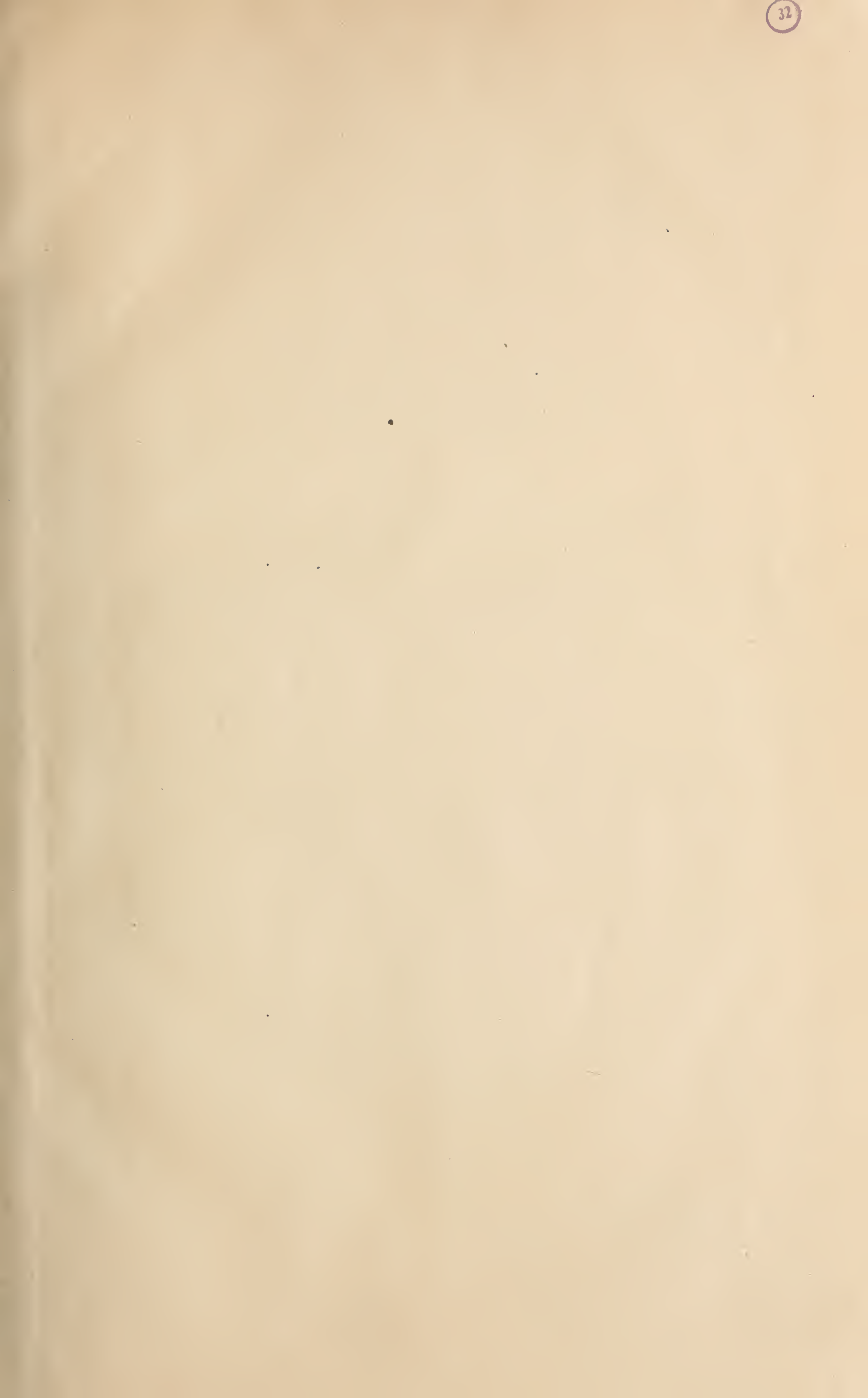

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

32

КОДЕКСЪ ШАМИЛЯ.

А. РУНОВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Продается при книжной торговлѣ и библiотекѣ Сеньковскаго и Ко.
С.-Петербургъ, Бол. Морская, домъ № 20.

1862.

КОДЕКСЪ ШАМИЛЯ.

До сихъ поръ мы знали бывшаго предводителя горцевъ какъ мужественнаго воина, съ неподражаемымъ искуствомъ умѣвшаго пользоваться топографическими особенностями театра войны. Но мы не совсѣмъ хорошо знали его какъ администратора, создавшаго всевозможныя средства, требуемыя войною, и совсѣмъ его не знали какъ законодателя, съумѣвшаго соединить въ одно цѣлое множество разноплеменныхъ, разноязычныхъ и, можно было бы сказать, разнохарактерныхъ обществъ, еслибъ въ основѣ характера каждаго изъ нихъ не лежали: кровожадность, необузданное своеволіе и дикая невѣжественность. Не знаемъ, въ какой степени слѣдуетъ опредѣлить по этимъ чертамъ тождественность въ характерѣ различныхъ обществъ, признававшихъ власть Шамиля, но мы имѣемъ причины думать, что, при тогдашнемъ порядкѣ вещей, только дѣйствіе установленныхъ имъ законовъ, а также порядокъ въ судопроизводствѣ и въ исполненіи приговоровъ, способны были удержать людей, подобныхъ горцамъ, въ повиновеніи, и направить всѣхъ ихъ къ одной цѣли, не взирая на сильное съ ихъ же стороны противодѣйствіе.

Администрація и законодательство составляютъ, по нашему мнѣнію, главную заслугу Шамиля въ дѣлѣ, которымъ онъ руководилъ. Такая заслуга ничего не имѣетъ общаго съ заслугою воина, съ заслугою полководца. Поэтому взглядъ, которымъ мы до сихъ поръ смотрѣли на Шамиля, долженъ, какъ намъ кажется, измѣниться самымъ рѣзкимъ образомъ.

Въ подкрѣпленіе нашего мнѣнія, представляемъ подробный

перечень предметовъ, вызвавшихъ законодательную дѣятельность Шамиля. Всѣ излагаемыя ниже свѣдѣнія, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, сообщены лично плѣнникомъ, который, исполняя нашу просьбу, снова провѣрилъ ихъ, вмѣстѣ съ старшимъ своимъ сыномъ, уже по совершенномъ окончаніи предлагаемаго труда. Главнѣйшимъ въ этомъ случаѣ побужденіемъ для него было справедливое опасеніе, чтобы не вкрались какія нибудь ошибки въ изложеніи предмета, который и по его собственному убѣжденію долженъ составлять самую существенную часть его репутаціи. Съ своей стороны, мы только позволили себѣ сдѣлать критическую оцѣнку нѣкоторымъ узаконеніямъ, что казалось намъ необходимымъ, въ видахъ лучшаго уясненія этого предмета для тѣхъ читателей, которые совершенно съ нимъ незнакомы.

Такимъ образомъ, предъявляя ручательство за подлинность источника, изъ котораго почерпнуты предлагаемыя свѣдѣнія, мы съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать для нихъ той критической оцѣнки, которая будетъ составлена на мѣстѣ дѣйствія этихъ узаконеній, и, слѣдовательно, укажетъ: во первыхъ, степень основательности теперешнихъ показаній и, во вторыхъ, степень дѣйствительности этихъ законовъ въ примѣненіи, чѣмъ обнаружится большая или меньшая вѣрность взгляда законодателя.

Затѣмъ, предварительно изложенія самаго кодекса, считаемъ необходимымъ объяснить значеніе и духъ этого законодательства.

До образованія въ Дагестанѣ имамата, горцы руководствовались въ своей домашней жизни «адатомъ», судились между собою и рѣшали всѣ свои дѣла тоже по адату. Это слово такъ часто упоминалось въ каждомъ изъ сочиненій о Кавказѣ, что едва ли нужно вдаваться въ подробныя объясненія его смысла; довольно сказать, что *адатъ* значитъ *обычай*, и что «жить по адату», «судиться по адату» значитъ жить и судиться по тѣмъ неписаннымъ правиламъ, которыми руководились съ незапамятныхъ временъ народы, пребывающіе въ полудикомъ состояніи и ведущіе болѣе или менѣе патріархальный образъ жизни.

Нелѣпость такихъ правилъ съ одной стороны, а съ другой противодѣйствіе, которое представляютъ они собою намѣреніямъ народныхъ предводителей, обыкновенно зараженныхъ честолюбіемъ или фанатизмомъ, побуждали этихъ людей смотрѣть на адатъ непріязненно и употреблять всѣ мѣры если не къ совер-

шенному искорененію, то къ значительному ослабленію его силы. Съ этимъ послѣднимъ успѣхомъ дѣйствовали первые два имама: Гази-Мухаммедъ (Кази-Мулла) и Гамзатъ-Бекъ; проповѣдуя шарріатъ, то есть заповѣди, написанныя въ спартанскомъ духѣ и припаровленныя къ возбужденію войны, но никакъ не къ водворенію мира, оба предводителя весьма нерѣшительно дѣйствовали противъ адата, опасаясь излишнею твердостію возбудить реакцію, которую они и безъ того встрѣчали почти на каждомъ шагу, вслѣдствіе нежеланія горцевъ слѣдовать по избранной ими дорогѣ. Отъ того дѣйствіе шарріата проявлялось только въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ резиденціямъ имамовъ; все остальное населеніе придерживалось, по прежнему, адату, оставляя его только на время пребыванія въ странѣ имама или его клевретовъ.

Опытъ первыхъ пяти лѣтъ возстанія открылъ всю несостоятельность этой системы и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ необходимость употребить самыя энергическія мѣры къ водворенію шарріата.

Такого рода дѣятельность досталась на долю Шамиля. Результаты его управленія намъ извѣстны, и теперь смѣло можно сказать, что успѣхи войны, казавшейся непонятною, слѣдуетъ приписать главнѣйшимъ образомъ настойчивости, съ которою Шамиль старался распространить шарріатъ и утвердить существованіе его въ немирномъ краѣ на самыхъ прочныхъ основаніяхъ.

Однако, преслѣдуя съ такою же настойчивостію адатъ, подробности котораго дѣйствительно лишены здраваго смысла во многомъ, Шамиль очень хорошо сознавалъ, что и въ ученіи шарріата много заключается если не нелѣпостей, то всякаго рода противорѣчій, весьма способныхъ обратиться въ источникъ зла, чуть ли не сильнѣйшаго сравнительно съ тѣмъ, какое можетъ породить адатъ. Дѣло въ томъ, что почти каждое изъ постановленій шарріата имѣетъ нѣсколько своихъ собственныхъ толкованій, или, по выраженію Шамиля, «нѣсколько своихъ собственныхъ дорогъ». Независимо того, нѣкоторыя изъ этихъ постановленій, какъ написанныя за 1200 лѣтъ назадъ, и притомъ для народа, ничего не имѣющаго общаго съ соотечественниками Шамиля, не совсѣмъ удобопримѣнимы къ быту горцевъ и къ условіямъ, въ которыхъ страна ихъ находилась. Соображая это, Шамиль ясно видѣлъ, что въ первомъ случаѣ дагестанское ду-

ховенство, своекорыстіе и невѣжество котораго слишкомъ хорошо были ему извѣстны, вѣчно будетъ блуждать по этимъ дорогамъ, не находя настоящей. Съ другой стороны, характеръ горцевъ, съ которымъ онъ тоже хорошо былъ знакомъ, давалъ право ожидать всякихъ злоупотребленій при малѣйшемъ послабленіи закона, при малѣйшемъ намекѣ на самоуправство или насиліе, — намекѣ, который въ шарріатѣ встрѣчается нерѣдко. Однимъ словомъ, Шамиль видѣлъ настоятельную необходимость избрать дорогу по собственному усмотрѣнію и направить на нее горцевъ такъ, чтобы отнять у нихъ всякую возможность сбиться.

Съ этою цѣлью онъ дополнилъ и измѣнилъ нѣкоторыя постановленія шарріата, сообразно дѣйствительныхъ, какъ ему казалось, потребностей страны. Все, что такимъ образомъ составилось, горцы называютъ «низамомъ», примѣняя этотъ терминъ къ реформамъ по всѣмъ отраслямъ управленія. Этимъ же именемъ и мы будемъ называть шамилевскіе законы.

Шамиль утверждаетъ, что онъ не сдѣлалъ въ шарріатѣ ни малѣйшаго измѣненія. Онъ даже серьезно сердился, когда мы попробовали однажды доказать ему противное, основываясь на фактахъ, имъ же самимъ заявленныхъ. Возражая противъ этого, онъ подкрѣплялъ свои слова такимъ доводомъ, который не для всякаго можетъ показаться убѣдительнымъ, именно—невозможностію измѣнить то, что постановлено Богомъ (*), и въ заключеніе сказалъ, что низамъ его ничто иное, какъ собраніе различныхъ правительственныхъ мѣръ, касающихся только безопасности края, благосостоянія народонаселенія и усиленія средствъ къ сопротивленію внѣшнимъ врагамъ, но что всѣ эти правила не имѣютъ ничего общаго съ шарріатомъ, которому они служатъ однимъ лишь дополненіемъ.

Съ своей стороны, и мы скажемъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, дѣйствительно, пополняютъ въ шарріатѣ многіе пробѣлы; но что, кромѣ ихъ, въ составъ низама вошли еще и другія правительственныя мѣры, касающіяся не только судебной части и общественной жизни горцевъ, но даже и домашняго ихъ быта, а потому стоитъ только вникнуть въ смыслъ статей этого законоположенія, чтобы тотчасъ удостовѣриться, противъ какихъ

(*) Мусульмане, какъ извѣстно, убѣждены, что текстъ корана продиктованъ пророку Мухаммеду архангеломъ Гавріиломъ, который именно съ этою цѣлью былъ къ нему посылаемъ Верховнымъ Существомъ.

именно статей шарріата онѣ направлены. Но мы предоставляемъ судить объ этомъ читателямъ по самой сущности дѣла.

Низамъ 1. Денежный штрафъ.

Мы начинаемъ именно съ этого закона, во первыхъ, потому, что онъ, кажется, одинъ изъ старѣйшихъ между всѣми остальными (Шамиль не помнитъ въ точности времени изданія своихъ законовъ); во вторыхъ, потому, что необходимость въ примѣненіи его встрѣчалась чаще, нежели въ отношеніи другихъ низамовъ. Слѣдовательно онъ, если можно такъ выразиться, пользовался большою «популярностію», и, наконецъ, дѣйствіемъ этого низама открывалась одна изъ отраслей доходовъ страны, а потому, въ сравненіи съ прочими, онъ имѣетъ болѣе важное значеніе.

Денежный штрафъ учрежденъ Шамилемъ около десяти лѣтъ назадъ, въ 1851—1852 году. Онъ обыкновенно сопровождался тюремнымъ заключеніемъ и разсчитывался не днями, а ночами, полагая за каждую ночь, проведенную въ тюрьмѣ, то есть въ ямѣ, по двадцати копѣекъ серебромъ. Впрочемъ, разсчетъ этотъ былъ дѣломъ исключенія, о которомъ будетъ сказано ниже; норма же, установленная Шамилемъ, назначена три мѣсяца за каждое изъ трехъ преступленій, подлежавшихъ денежному штрафу.

Денежные штрафы опредѣлялись наибами. Составлявшіяся изъ этого источника суммы тоже принадлежали къ числу тѣхъ, которыя въ совокупности назывались общественною казною (бейтульманъ); но онѣ находились въ полномъ распоряженіи наибовъ, которые должны были употреблять ихъ на содержаніе своихъ мюридовъ, на вспомоществованія бѣднымъ, на вооруженіе способныхъ къ войнѣ, но недостаточныхъ людей, и преимущественно на уплату мѣстнымъ жителямъ не мюридамъ, посылавшимся въ разныя мѣста съ разными порученіями и для передачи разнаго рода свѣдѣній. Въ пользу же наиба штрафныя деньги не подлежали никакою своею частію. Таково, по крайней мѣрѣ, было распоряженіе Шамиля. По смыслу его, и всѣ эти суммы должны были храниться отнюдь не у наибовъ, а у особыхъ избранныхъ сельскими обществами казначеевъ, которые обязаны были расходовать порученныя имъ деньги только по надлежащемъ удостовѣреніи въ необходимости издержки, открываемой наибомъ.

Денежному штрафу подвергались одни мужчины; женщины отъ этого взысканія были свободны.

Денежный штрафъ установленъ Шамилемъ для трехъ видовъ преступленія: 1) *за воровство*; 2) *за уклоненіе отъ военной повинности* и 3) *за умышленное прикосновеніе къ женщинѣ*. Четвертый случай — *нанесеніе въ дракѣ побойныхъ знаковъ*, предоставлялъ штрафныя деньги въ пользу потерпѣвшаго побои.

Иногда денежные штрафы налагались и въ другихъ случаяхъ; но это было ничто иное, какъ произволъ наибовъ, обращавшихъ деньги въ свою собственность и рисковавшихъ поплатиться за то мѣстомъ, а подъ часъ и головою.

а) *Воровство*. Денежный штрафъ за воровство введенъ Шамилемъ на основаніи права, которое предоставлено шарріатомъ имаму—измѣнять по его усмотрѣнію предписанія шарріата, касающіяся именно воровства. Цѣль же, которую имѣлъ въ этомъ случаѣ Шамиль, заключалась въ необходимости избѣжать постановленій корана, опредѣлявшихъ взысканія въ слѣдующей соразмѣрности: за воровство въ первый разъ (безъ различія цѣнности украденнаго, но при томъ условіи, когда преступленіе сопровождалось взломомъ) отсѣченіе правой руки; во второй разъ—лѣвой ноги; въ третій—лѣвой руки; въ четвертый—остальной ноги, и, наконецъ, въ пятый разъ — отсѣченіе головы.

Хорошо знакомыя Шамилю наклонности горцевъ внушали ему серьезное опасеніе, что если онъ станетъ придерживаться въ отношеніи воровства точнаго смысла постановленій шарріата, то населеніе страны въ самомъ непродолжительномъ времени если не уменьшится значительнымъ образомъ, то на половину будетъ искалѣчено. Въ основательности этого опасенія можно удостовѣриться еще и теперь, побывавши въ Анди и Гидатлѣ, гдѣ изъ трехъ человѣкъ туземцевъ одинъ навѣрное безъ руки. Впрочемъ, и за изданіемъ низама наибы этихъ двухъ обществъ продолжали употреблять иногда опредѣленное шарріатомъ наказаніе, имѣя въ виду необычайное пристрастіе жителей къ воровству.

Примѣняясь къ строгости шарріата, Шамиль устранилъ постепенность въ своемъ низамѣ, а вмѣсто того опредѣлилъ: подвергать виновнаго въ воровствѣ, какого бы рода оно ни было, какъ за первымъ, такъ и за вторымъ разомъ, трехмѣсячному заключенію въ яму, со взысканіемъ по двадцати коп. серебромъ

за каждую ночь заключенія. За третьимъ же разомъ слѣдовала смертная казнь.

Исправительная мѣра, выраженіемъ которой служило двукратное заключеніе, распространялась только на тѣхъ преступниковъ, доброе поведеніе которыхъ въ прежнее время удостовѣрялось ихъ обществами. Въ случаѣ же неодобрительнаго отзыва, виновный подвергался смертной казни за первое же воровство.

Нерѣдко случалось, что, по родственнымъ связямъ или изъ корыстныхъ видовъ, наибы отдаляли смертную казнь до четвертаго раза, или же просто доставляли преступникамъ возможность скрыться отъ дѣйствія правосудія. Но подобное уклоненіе, проявлявшееся, впрочемъ, въ немирномъ краѣ сплошь и рядомъ, не можетъ служить обвиненіемъ для Шамиля, который, съ своей стороны, вполнѣ убѣжденъ въ дѣйствительности своего низама для исправленія такого народа, какъ горцы.

в) Уклоненіе отъ службы.

Налагая денежный штрафъ на людей, уклонявшихся отъ похода или вообще отъ воинской повинности, Шамиль руководствовался пословицею, составившеюся въ послѣднія десять лѣтъ существованія имамата: «лучше просидѣть годъ въ ямѣ, чѣмъ пробыть мѣсяцъ въ походѣ». Пословица вылилась изъ устъ народа подъ вліяніемъ усталости и изнуренія, порожденныхъ войною, которая, по словамъ самого Шамиля, въ послѣднее время, сильно опротивѣла большинству населенія.

Въ прежнее время, до изданія этого низама, тюремное заключеніе весьма немного страшило горца: оно не разстроивало его домашнихъ дѣлъ, лежавшихъ обыкновенно на плечахъ жены, на шеѣ быка и на спинѣ эшака; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣла эти шли безъ него даже лучше, нежели при немъ. Не совсѣмъ свѣжій воздухъ ямы тоже не составлялъ для него особенной непріятности, потому что въ нѣкоторыхъ обществахъ, гдѣ домашнія животныя проводятъ зиму въ одномъ помѣщеніи съ своими хозяевами, атмосфера этого помѣщенія съ атмосферою ямы была совершенно одинакова. Наконецъ, если для нѣкоторыхъ преступныхъ личностей тюремное заключеніе и составляло дѣйствительную непріятность, то она съ лихвою вознаграждалась праздностію, этою привилегіею горскихъ тюремъ, склонность къ которой привита и развита въ горцахъ тою же войною.

Именно такъ понималъ Шамиль взглядъ горцевъ на тюрем-

ное заключеніе и на приведенную пословицу. Чтобъ измѣнить этотъ порядокъ вещей безъ кровопролитія, онъ прибавилъ къ тюремному заключенію денежную пеню. Размѣры ея были тѣ же: по 20 коп. за каждую ночь трехмѣсячнаго ареста. Взысканіе это смягчалось въ тѣхъ только случаяхъ, когда причины уклоненія оказывались вполнѣ уважительными. Тогда, не освобождая совсѣмъ виновнаго отъ денежнаго штрафа, назначали его не въ очередь въ походъ, на то именно время, которое пробыли на службѣ его товарищи.

Мѣра эта оказалась дѣйствительною (*), потому что не только заботливые о своемъ хозяйствѣ люди бросали лѣнь или упрямство и шли въ назначенныя имъ мѣста безпрекословно, но и самыя жены горцевъ, въ огражденіе своего хозяйства отъ неминуемаго разоренія, а ужь по меньшей мѣрѣ отъ разстройства, старались всѣми силами убѣдить своихъ трусливыхъ или упрямыхъ мужей идти въ походъ, а иногда указывали даже тайкомъ мѣста, гдѣ они укрывались.

Къ этому же роду наказаній можно отнести и «экзекуцію», потому что потребныя для содержанія экзекуціонныхъ войскъ произведенія земли слѣдуетъ тоже разсчитывать наличною монетою.

Экзекуціи назначались въ немирномъ краѣ съ тою же цѣлью, съ которою назначаются онѣ у насъ, то есть за ослушаніе предержащей власти. Сущность и подробности ихъ такія же, но съ тою разницею, что мѣра эта употреблялась въ горахъ въ отношеніи не цѣлаго населенія какой нибудь деревни, а только нѣкоторой его части, нерѣдко даже въ отношеніи немногихъ отдѣльныхъ лицъ. Ослушаніе же или непокорность всей деревни или большинства населенія вызывали мѣры иныя: смертную казнь «многихъ» зачинщиковъ, выселеніе по разнымъ обществамъ цѣлой деревни, и проч.

Экзекуціи назначались только въ Чечнѣ и очень рѣдко въ сосѣднихъ съ нею обществахъ: Шатоѣ, Ичкеріи, Аухѣ и въ другихъ; дагестанскія же племена этого не требовали: находясь подъ властію Шамиля, они всегда были покорны поставленнымъ отъ него начальствамъ; исключенія же въ этомъ родѣ, а также

(*) Она введена еще задолго до учрежденія «экзекуцій» и сравнительно съ нею считается средствомъ болѣе полезнымъ, потому что хотя дѣйствіе ея оказывается и не столь быстро, но за то и хозяйство виновныхъ не столь быстро подвергается разоренію.

пристрастіе къ вину наказывались совсѣмъ иначе. Въ Чечнѣ происходило совершенно противное: по свойственному Чеченцамъ духу своеволія, они переходили къ намъ иногда цѣлыми обществами не потому, чтобы подъ русскимъ управленіемъ надѣялись найдти лучшій порядокъ вещей, но единственно потому, что имъ давали, напримѣръ, не того наиба или инаго начальника, котораго они сами хотѣли, а того, который избирался Шамилемъ. При этомъ требованія ихъ по большей части не имѣли ни малѣйшаго основанія, такъ какъ часто случалось, что они совсѣмъ и не знали наиба, который къ нимъ предназначался.

Это случалось, какъ упомянуто выше, иногда, т. е. рѣдко. Частныхъ же, менѣе значительныхъ случаевъ неповиновенія Чеченцевъ властямъ встрѣчалось такъ много, что они составляютъ изъ себя особенность, которая, при какомъ бы то ни было управленіи, способна обратить на себя самое пристальное вниманіе. Отказъ, безъ всякихъ побудительныхъ причинъ, идти на войну, ослушаніе во всѣхъ другихъ видахъ безпрестанно вызывали мѣры для обращенія своевольныхъ Чеченцевъ къ покорности, такъ что экзекуціи, можно сказать, существовали въ Чечнѣ постоянно: почти не было той деревни, которая не видала бы у себя экзекуціи хоть одинъ разъ. Это случалось преимущественно во время продолжительныхъ экспедицій по Чечнѣ. Экзекуціонными войсками всегда были Тавлинцы (Дагестанцы). Они располагались въ домахъ непослушныхъ обывателей, какъ въ своихъ собственныхъ, и, дѣйствительно, очень скоро обращали ихъ къ повиновенію безъ всякаго кровопролитія. Въ этихъ случаяхъ, населенія деревень смотрѣли на стѣсненіе своихъ согражданъ довольно равнодушно; по крайней мѣрѣ не было примѣра, чтобъ экзекуціи возбуждали общее неудовольствіе или возстаніе. Дѣйствіе экзекуціи прекращалось тотчасъ, какъ только виновные представляли доказательства покорности.

Въ прежнее время экзекуція въ немирномъ краѣ была неизвѣстна: она введена по настоянію сына Шамиля, Гази-Мухаммеда, имѣвшаго въ виду двѣ цѣли: отклоненіе взысканій болѣе жестокихъ и средство отдохнуть отъ голодной жизни бѣднѣйшимъ изъ воиновъ. Въ случаѣ надобности, экзекуціи назначались по распоряженію самихъ наибовъ, даже безъ вѣдома Шамиля.

c) *Прикосновеніе къ женщинѣ.* Прикосновеніе мужчины къ

тѣлу и даже къ платью женщины, по понятіямъ горцевъ, составляетъ для нея полное безчестіе. Этимъ пользовались въ прежнее время многіе негодяи, изъ желанія отмстить женщинѣ или дѣвушкѣ неудачу своего волокитства, а иногда дѣлали это изъ какихъ либо иныхъ побужденій. Во всякомъ случаѣ, прямымъ послѣдствіемъ прикосновенія было канлы (кровомщеніе), и это встрѣчалось прежде такъ часто, что Шамиль, говоря о канлы за «безчестіе женщины», назвалъ его «нескончаемымъ канлы». Но наконецъ трехмѣсячный арестъ, сопровождаемый денежнымъ штрафомъ, достаточно оградилъ горскихъ женщинъ отъ наглости ихъ соотечественниковъ.

Низамъ 2. Драка.

Если между горцами часто случались драки, сопровождавшіяся убійствомъ, то ссора, оканчивавшаяся побоями и увѣчьемъ, была дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, столько же почти неизбѣжнымъ, какъ и ежедневное употребленіе пищи. Тѣмъ не менѣе, обстоятельство это вводило правительство въ большія хлопоты, а что всего хуже — вызывало несправедливыя рѣшенія чаще, нежели по другимъ дѣламъ.

Обыкновенно героями такихъ происшествій были люди богатые, или «хорошихъ» фамилій. Въ Дагестанѣ, гдѣ равенство было въ большомъ ходу, по крайней мѣрѣ на словахъ, слово «хорошая фамилія» означало людей, облеченныхъ извѣстною властію или находившихся въ близкихъ къ нимъ отношеніяхъ. Такимъ драчунамъ все сходило съ рукъ: они всегда были правы и, пользуясь безнаказанностію своихъ поступковъ, не упускали удобнаго случая примѣнить свои права на дѣлѣ.

Такимъ образомъ, въ дѣлахъ этого рода, страдательная роль по большей части выпадала на долю бѣдняка. По крайней мѣрѣ такъ было до Шамиля, который, вступивъ въ управленіе страною, призналъ необходимымъ принять мѣры если не къ искорененію сквернаго обычая, то хотя къ огражденію слабаго отъ жестокой и безвинной отвѣтственности.

Дѣло это въ сущности было несравненно труднѣе, чѣмъ можетъ казаться съ виду. Склонность горцевъ къ дракѣ, составляя врожденную черту ихъ характера, должна была, сверхъ того, развиваться условіями ихъ быта и положеніемъ ихъ страны; даже народные предводители должны были холить и поддерживать эту склонность, какъ одно изъ вѣрныхъ средствъ къ развитію въ населеніи воинственнаго духа.

Итакъ, Шамилю приходилось преслѣдовать тотъ самый фактъ, къ достиженію котораго самъ же онъ устремлялъ всѣ свои старанія. Это составляло трудъ тяжелый, тѣмъ менѣе обѣщавшій надежду на успѣхъ въ исполненіи, что и существующія по этому предмету правила шарріата скорѣе способны возбудить кровопролитіе, нежели прекратить ссору и возстановить согласіе. Но Шамиль обратился ко всегдашнему своему помощнику—тому же самому шарріату, и вопросъ былъ рѣшенъ.

Одно изъ правилъ шарріата гласитъ: «человѣка, пришедшаго въ чужой домъ, въ чужой садъ, или въ чужое поле для драки съ хозяиномъ или съ членами его семейства, можно убить какъ собаку».

Другое правило шарріата требуетъ въ возмездіе за пролитую кровь крови же (канлы).

Можно себѣ представить, къ какому результату приводили горцевъ эти указанія. А все-таки богатые и сильные находились въ условіяхъ несравненно выгоднѣйшихъ, нежели бѣдные. Убивъ или изувѣчивъ бѣдняка въ своемъ домѣ, богатый представлялъ въ свое оправданіе первое изъ вышеприведенныхъ правилъ и прикрывался имъ какъ щитомъ. Но когда бѣдный сдѣлаетъ то же съ богатымъ буяномъ, его подвергали дѣйствію втораго правила. Безсильные для возстановленія своего права собственными средствами, бѣдняки обращались къ правосудію. Но дѣйствовавшій въ странѣ законъ плавалъ посреди потоковъ крови, и кормчіе этого судна, лишенные компаса и сбиваемые безчисленнымъ множествомъ «открывавшихся имъ дорогъ», рѣшительно были не въ состояніи вести свой корабль въ должномъ направленіи.

Взявшись за дѣло, Шамиль употребилъ то самое средство, которымъ руководствовался во всѣхъ другихъ случаяхъ, являвшихъ собою противорѣчія и несообразности шарріата: онъ поровнялъ шансы богатыхъ и бѣдныхъ. Не отвергая законности канлы во всемъ, гдѣ только показывалась кровь, онъ сдѣлалъ исключеніе въ пользу того случая, о которомъ идетъ рѣчь, и, придерживаясь указаній шарріата, постановилъ слѣдующее: въ случаѣ смерти, причиненной во время драки человѣку, пришедшему для этого въ чужой домъ (вообще въ чужое владѣніе), хозяинъ его освобождается отъ всякой отвѣтственности. И если родственники убитаго начнутъ мстить за его кровь, то сами они обратятся въ убійцъ, подлежащихъ преслѣдованію закона и

мщенію родственниковъ убитаго ими человѣка. Равнымъ образомъ, если въ дракѣ будетъ убитъ хозяинъ дома или кто либо изъ его домашнихъ, тогда убійца долженъ подвергнуться мщенію родственниковъ убитаго, даже при содѣйствіи правительства, если встрѣтится въ томъ надобность.

Установляя это правило, Шамиль въ сущности не прибавилъ отъ себя ничего: онъ только «нашелъ дорогу» къ одной изъ статей закона. Но онъ, какъ мы сейчасъ упомянули, поровнялъ шансы людей различнаго состоянія, а это-то и составляетъ тайну его могущества, потому что такой образъ дѣйствій пріобрѣлъ ему популярность, которая, по его собственнымъ словамъ, послужила фундаментомъ этого могущества.

Прочія узаконенія, постановленныя собственно Шамилемъ по вопросу о дракѣ, заключаются въ слѣдующемъ:

Если драка оканчивалась боевыми знаками на тѣлѣ одного изъ дравшихся, то нанесшій ихъ подвергался тюремному заключенію и денежному штрафу, сообразно указаніямъ шарріата, въ пользу принявшаго побои.

Въ случаѣ запирательства одного изъ драчуновъ, дѣло рѣшалось согласно показанія свидѣтелей.

Если драка происходила безъ свидѣтелей, то отвѣтчику предлагалась присяга: если онъ принималъ ее, дѣло предавалось волѣ Божіей; въ противномъ случаѣ, онъ подвергался отвѣтственности какъ виновный.

Вотъ все, что сдѣлано Шамилемъ по этой части. Оно, конечно, немного; но, по словамъ законодателя, этого немногаго было достаточно для разъясненія путаницы, господствовавшей во взаимныхъ отношеніяхъ горцевъ.

Низамъ 3. О наслѣдствѣ.

Остававшееся послѣ умиравшихъ горцевъ имущество всегда служило причиною безчисленнаго множества споровъ между наслѣдниками. Разнообразіе условій, въ которыя они становились, Шамиль охарактеризовалъ терминомъ: «сто тысячъ случаевъ». Непосредственнымъ къ тому поводомъ было многоженство и сопряженная съ нимъ сложность и запутанность родственныхъ связей, которыя, порождая нескончаемыя тяжбы, затрудняли начальства, замедляли ходъ дѣла и нимало не удовлетворяли тяжущихся. Всѣ эти затрудненія въ особенности увеличивались указаніями адата, къ которому горцы нерѣдко прибѣгали съ общаго согласія истца, отвѣтчика и самого судьи; но потомъ

сторона, недовольная рѣшеніемъ адата, требовала обсужденія дѣла по шарріату. Наконецъ, новые наслѣдники, появляясь разновременно невѣсть откуда и предъявляя свои права на имущество покойника, требовали обсужденія дѣла вновь. Дѣло затягивалось, и изъ него исходили тѣ условія и положенія, которыя вызвали у Шамиля его характеристическій терминъ.

Несмотря на то, что по предмету наслѣдства для административной дѣятельности Шамиля предстояло обширное поле, онъ ограничился однимъ только постановленіемъ, именно уравнялъ права на наслѣдство *для всѣхъ* дѣтей (мужескаго пола), несмотря на условія ихъ рожденія, и отвергая законность духовныхъ завѣщаній, если они были составлены не въ этомъ духѣ. Другимъ постановленіемъ онъ строго предписалъ обращаться въ дѣлахъ такого рода исключительно къ шарріату, въ которомъ права наслѣдниковъ изложены въ совершенной подробности, на каждый изъ ста тысячъ случаевъ. Постановленіе это пробудило дремавшее духовенство, которое, разрѣшая подобныя тяжбы, не всегда успѣшно розыскивало въ коранѣ приличныя случаю постановленія о наслѣдствѣ, отзываясь неимѣніемъ оныхъ или же перетолковывая ихъ по своему; а это самое и побуждало горцевъ обращаться къ адату. Установленныя же Шамилемъ отношенія между муллами и муфтіями (о чемъ будетъ сказано ниже) много способствовали къ устраненію неудобствъ.

Низамъ 4. По брачнымъ дѣламъ.

Первоначально низамъ этотъ былъ установленъ для одной Чечни, гдѣ, говоря собственными словами Шамиля, онъ засталъ «множество дѣвокъ съ сѣдыми волосами и совсѣмъ дряхлыхъ стариковъ, весь свой вѣкъ проживших холостыми». Причина этого явленія заключалась въ непомѣрно большихъ размѣрахъ калыма (отъ 80 — 200 р. сер.), котораго большинство населенія не въ состояніи было внести, особливо при тогдашнихъ военныхъ обстоятельствахъ, препятствовавшихъ улучшенію домашняго быта частныхъ людей. Прямымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей были безпрестанные побѣги молодыхъ людей обоихъ половъ, безнравственность и убійства. Несмотря на то, что побѣги завершались большею частію законнымъ бракомъ, они все-таки признавались въ общественномъ мнѣніи безчестіемъ и всегда возбуждали между двумя семействами ненависть, вызывавшую жестокое мщеніе. Сопровождавшіе его смертные слу-

чаи не составляли калмы, а были простымъ убійствомъ, тѣмъ менѣе простительнымъ, что оно распространялось въ одинаковой степени какъ на любовниковъ, такъ и на ихъ родныхъ, часто и не знавшихъ о томъ, что случилось.

Съ цѣлью избавить семейства отъ позора и гибели, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратить въ странѣ безпорядки, порождаемые ошибочнымъ направленіемъ общественнаго мнѣнія, Шамиль собралъ старшинъ изъ всѣхъ чеченскихъ обществъ и, объяснивъ имъ всю несообразность существующаго у нихъ обычая и плачевные его результаты, предложилъ избрать мѣры къ устраненію ихъ на будущее время.

Доводами Шамиля старшины вполнѣ убѣдились; но придумать средства противъ указаннаго имъ зла они не могли или не хотѣли. Тогда Шамиль предложилъ имъ установить для калыма норму, которой придерживался самъ пророкъ, именно отъ 10—20 рублей (*).

Зная очень хорошо, что грозный предводитель спрашиваетъ ихъ мнѣнія о томъ, что самъ онъ давно ужь обдумалъ и рѣшилъ привести въ исполненіе, старшины изъявили полное свое согласіе, но только просили прибавить къ назначенной имъ цифрѣ еще отъ 6—8 руб., собственно на свадебныя издержки.

Очень довольный тѣмъ, что дѣло обходится безъ затрудненій, которыхъ онъ ожидалъ встрѣтить, Шамиль поспѣшилъ сдѣлать уступку и съ своей стороны, принявъ въ соображеніе то обстоятельство, что спорные восемь рублей не составятъ для Чеченцевъ такой разницы, какъ для Дагестанцевъ.

Сдѣлавъ то, что было нужно для доставленія молодымъ людямъ возможности налагать на себя брачныя узы мирнымъ путемъ, Шамиль, въ то же время, принялъ мѣры, чтобъ воспрепятствовать соединенію ихъ прежнимъ способомъ.

Обыкновенно, бѣглые любовники, оставляя родительскій кровъ, спѣшили явиться въ какой нибудь Гретна-Гринъ, роль котораго разъигривало въ Чечнѣ каждое изъ ея селеній, гдѣ только есть мулла или просто грамотный человѣкъ, знающій подробности всякаго рода богослуженія. Попросивъ его совершить надъ ними брачный обрядъ, они становились супругами законными, которыхъ никакая сила не могла разлучить.

Въ предупрежденіе этого, Шамиль постановилъ слѣдующее:

(*) 20 рублей—калымъ дѣвушки; 10—вдовы.

онъ запретилъ муллам совершать надъ бѣглецами брачный обрядъ, подъ опасеніемъ зашитія рта. Вмѣсто того, при поимкѣ бѣглецовъ, онъ приказалъ немедленно разлучать ихъ и возвращать въ родительскіе дома, гдѣ, на основаніи правилъ шарріата, ихъ, какъ совершившихъ блудъ, подвергали ста палочнымъ ударамъ (по спинѣ) и затѣмъ изгоняли на одинъ годъ изъ деревни.

Постановленіе это оказалось вполнѣ дѣйствительнымъ: нѣсколько зашитыхъ ртовъ отбили у всѣхъ остальныхъ муллъ охоту пользоваться привиллегіею гретна-гринскаго кузнеца; а молодые люди, лишенные возможности скрыться въ мѣстахъ своей родины отъ позорнаго наказанія, могли теперь располагать только однимъ способомъ къ достиженію своихъ желаній: побѣгомъ къ Русскимъ; но на это рѣшались весьма немногіе, и, такимъ образомъ, склонность Чеченцевъ къ романтизму была подавлена если не окончательно, то случаи проявленія ея встрѣчались слишкомъ рѣдко.

Причина, по которой дѣйствіе этого низама не распространялось на Дагестанъ, заключалась въ томъ, что дагестанскіе размѣры калыма, за исключеніемъ немногихъ неумѣренныхъ требованій, были ужь слишкомъ миніатюрны: такъ, напримѣръ въ Игали за дѣвушку нужно было дать 12 гарнцевъ пшеницы (нашей мѣры); въ Багулялѣ — одну сабу (20 фунтовъ) той же пшеницы или ячменя; въ Унцукулѣ — одинъ рубль серебромъ, во всѣхъ остальныхъ селеніяхъ и обществахъ—отъ полутора рубля и выше, все въ тѣхъ же небольшихъ размѣрахъ.

Поэтому, будучи доволенъ дагестанскими размѣрами калыма, вполнѣ соотвѣтствовавшими его видамъ относительно увеличенія народонаселенія, Шамиль вовсе не старался ввести этотъ низамъ въ Дагестанѣ; но когда сами Дагестанцы (конечно, родственники дѣвушекъ) приняли его къ руководству ради увеличенія калыма, то Шамиль поспѣшилъ дополнить свой законъ примѣчаніемъ, предоставлявшимъ кому угодно право уменьшить размѣры калыма до безконечно малой величины, если только будетъ на то согласіе обѣихъ сторонъ.

Сущность другаго узаконенія по брачнымъ дѣламъ заключалась въ понужденіи родителей или родственниковъ совершеннолѣтнихъ дѣвицъ къ скорѣйшей выдачѣ ихъ замужъ. Но это понужденіе относилось только къ тѣмъ людямъ, молодыя род-

ственницы которыхъ одарены были *веселымъ характеромъ* (*). Въ отношеніи же дѣвицъ, не имѣвшихъ въ своемъ характерѣ этой черты, Шамиль строго запретилъ употреблять придуманную имъ мѣру, предоставляя замужство ихъ соображенію родственниковъ и ихъ собственному произволу.

Процедура понужденія происходила слѣдующимъ образомъ: наибъ или другой мѣстный начальникъ, получивъ свѣдѣніе о дѣвушкѣ, одаренной веселымъ характеромъ, обыкновенно приступалъ къ главѣ семейства съ дружескимъ совѣтомъ — похлопотать для своей родственницы о женихѣ. Если родственникъ былъ понятливъ, то его отпускали съ миромъ домой, въ полной увѣренности, что предложеніе будетъ исполнено въ непродолжительномъ времени. Но случалось нерѣдко, что собесѣдникъ наиба или упрямился, отстаивая свои права, или, въ видѣ препятствія, представлялъ трудность найдти жениха въ своемъ околодкѣ. Тогда послѣднему указывали на другія селенія, гдѣ есть много молодыхъ людей, нуждающихся въ подругѣ жизни; потомъ имъ обоимъ давали мѣсяцъ срока для выдачи родственницъ ихъ замужъ. Если чрезъ мѣсяцъ совѣтъ наиба не былъ исполненъ, то глава семейства подвергался заключенію въ яму, гдѣ и содержался до тѣхъ поръ, пока дѣвушка не выходила заиужъ.

Другое въ этомъ же родѣ правило было вызвано дѣйствіями родителей невѣсты, которые, по разнымъ, болѣе или менѣе уважительнымъ, причинамъ, позволяли себѣ отказывать женихамъ, уже объявленнымъ и укрѣпившимъ свои будущія права обычными приношеніями или подарками. Такіе случаи встрѣчались весьма часто и точно такъ же, какъ и всякій споръ или малѣйшее несогласіе, возбуждали между горцами ссоры, иногда весьма кровавыя.

Кромѣ необходимости прекратить это зло, Шамиль, считавшій увеличеніе народонаселенія дѣломъ первой важности, не хотѣлъ откладывать его ни на одну минуту, и на этомъ основаніи парализировалъ произволъ или право родителей закономъ, предписывавшимъ выдавать дѣвушекъ замужъ, невзирая ни на какія препятствія, если только предложеніе жениха однажды было принято. Ослушниковъ ожидала яма, въ которой

(*) Этимъ словомъ Шамиль хотѣлъ охарактеризовать дѣвушку разговорчивую, бойкую, а слѣдовательно весьма близкую, по его убѣжденію, къ проступкамъ, свойственнымъ ея возрасту и южной натурѣ.

они содержались до тѣхъ поръ, пока дѣвушка не выходила замужъ.

Что касается отказа со стороны жениха, то предоставленное ему шарріатомъ право дѣлать это безнаказанно оставлено Шамилемъ безъ всякаго измѣненія.

Вотъ настоящій смыслъ распоряженія Шамиля относительно устройства возможно большаго числа браковъ. Но главная его идея заключалась все-таки въ томъ, чтобъ избавить легкомысленныхъ дѣвушекъ отъ дѣйствія неумолимаго закона, а семейства ихъ отъ безславія. Мысль прекрасная и, по словамъ Шамиля, вполнѣ соотвѣтствовавшая характеру горцевъ и ихъ потребностямъ; но мы уже знаемъ, до какой степени она была извращена наибами, обратившими ее въ одну изъ отраслей своихъ доходовъ.

Низамъ 5. По бракоразводнымъ дѣламъ.

Расторженіе брачныхъ союзовъ составляетъ одно изъ наиболѣе частыхъ явленій въ семейномъ быту горцевъ. Легкость, съ которою совершается это дѣло, имѣетъ прямую связь съ постановленіями религіи, окружившей мусульманскую женщину самыми неблагопріятными условіями. Причины же, побуждающія горцевъ къ разводу, рѣдко бываютъ основательны; а въ прежнее время, до распространенія въ немирномъ краѣ шарріата, разводы совершались, можно сказать, безъ всякихъ причинъ: пьяный горецъ скажетъ своей женѣ, иногда совсѣмъ безсознательно, извѣстный терминъ: «я тебя (имя жены) отпускаю тройнымъ разводомъ», и разводный актъ совершенъ. Нерѣдко случалось, что послѣ развода мужья снова женились на разведенныхъ женахъ (*); но, тѣмъ не менѣе, женщина получала уже доказательства своего безсилія, безславія и беззащитности.

Такимъ образомъ, шарріатъ оказалъ дагестанской женщинѣ ту услугу, что избавилъ ее, по крайней мѣрѣ, отъ пьянаго мужа. Правду сказать, для самолюбія ея тутъ было сдѣлано немного: измѣненіе это коснулось ея только мимоходомъ и вовсе не относилось лично къ ней. Но и то ужь было облегченіе, способное возбудить въ женщинѣ—если только она не окончательно лишилась самосознанія—свѣтлыя надежды въ будущемъ.

Однако, надеждамъ этимъ долго не суждено было осуще-

(*) Это могло случиться послѣ того, какъ разведенная жена выходила замужъ за другаго: тогда, разведясь со вторымъ мужемъ, она опять вступала въ бракъ съ первымъ.

ствиться, потому что, съ введеніемъ шарріата, или, вѣрнѣе, съ прекращеніемъ пьянства, число разводовъ хотя и уменьшилось, но до изданія шамилевскаго низама они еще представляли собою явленіе довольно обыкновенное. Причину этого теперь слѣдуетъ искать въ незначительности калыма, который платили горцы за своихъ женъ, сообразуясь съ установленною законодателемъ ихъ нормою Мы уже знаемъ, что противорѣчія и несообразности, существовавшія по этому дѣлу въ народныхъ обычаяхъ, Шамиль разрѣшилъ по своему, коротко и ясно: за дѣвушку двадцать рублей, за вдову десять. Столько платилъ пророкъ за своихъ женъ, столько платилъ за своихъ Шамиль, за столько отдалъ онъ своихъ дочерей, за столько же пріобрѣлъ женъ своимъ сыновьямъ и наконецъ за столько же предложилъ и горцамъ пріобрѣтать себѣ женъ, съ такимъ притомъ условіемъ, что за меньшую сумму они могутъ пріобрѣтать ихъ сколько угодно, но за большую ни подъ какимъ видомъ: всякая лихва противъ этой цифры возвращалась со штрафомъ.

Это была разумная мѣра для побужденія сластолюбивыхъ голяковъ къ заключенію брачныхъ союзовъ, или, иначе, къ удовлетворенію ихъ животныхъ стремленій путемъ болѣе или менѣе законнымъ, болѣе или менѣе сдерживавшимъ ихъ необузданныя страсти. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, та же самая мѣра заключала въ себѣ условія, предававшія женщину еще большей зависимости, дѣлавшія положеніе ея еще болѣе безвыходнымъ: пользуясь предоставленнымъ правомъ, горцы не замедлили придать указанной нормѣ самый разнообразный характеръ и, какъ мы видѣли, довели цифру калыма почти до безконечно-малой величины.

Пріобрѣтая на этихъ основаніяхъ себѣ жену, горецъ воображалъ, что теперь имѣетъ полную возможность отпустить ее во всякое время, не жалѣя о калымѣ и не стѣсняясь средствами къ пріобрѣтенію иной подруги жизни. Но онъ горько ошибался, думая, что если калымъ не великъ, то и разводъ обойдется дешево: отпуская жену, онъ былъ обязанъ выдать ей кромѣ калыма еще и то, что принесла она съ собою изъ дома родительскаго; а сверхъ того, если вмѣстѣ съ нею отпускались и дѣти или если разводъ состоялся во время беременности, то, согласно правиламъ шарріата, онъ долженъ былъ давать содержаніе дѣтямъ—до совершеннолѣтія, а ей — до выхода замужъ

или до окончанія беременности, которое, согласно тѣмъ же правиламъ, можетъ продолжаться даже до трехъ лѣтъ (*).

Посреди этихъ-то условій произноситъ горецъ роковой для женщины терминъ и потомъ, протрезвившись чрезъ нѣсколько часовъ, видитъ, что поставилъ въ затруднительное положеніе и себя, и жену, и весь свой домашній бытъ, который безъ главнаго своего распорядителя существовать не можетъ и потому приходитъ въ окончательное неисправимое разстройство. Тогда-то въ головѣ его зарождается мысль—поправить испорченное дѣло какимъ бы то ни было образомъ и, конечно, на счетъ интересовъ жены.

Такія подробности почти всегда сопровождаютъ разводъ у людей недостаточныхъ. Но и богатые горцы, по общей всѣмъ имъ склонности къ корыстолюбію, а въ особенности къ тяжбамъ, рѣдко отпускали своихъ женъ безъ какихъ либо притѣсненій.

Въ этихъ случаяхъ и богатые и бѣдные прибѣгали къ одному и тому же средству: отказавъ женѣ въ выдачѣ того, что ей слѣдуетъ по закону и по условію, горцы приготовляли свидѣтелей, которые и подтверждали передъ судилищемъ ихъ показаніе — что «все находящееся въ ихъ домахъ и вообще все имущество ихъ имъ не принадлежитъ, а продано или взято навремя». За этимъ объявленіемъ, женщина теряла право на свою собственность и, оставляя домъ мужа, вступала въ самыя неблагопріятныя условія, которыя, въ случаѣ смерти или отсутствія ближайшихъ ея родственниковъ, обращались, какъ уже сказано, въ положеніе безвыходное.

Противъ этого-то «нехорошаго» обычая направилъ Шамиль свой низамъ, пополняя имъ пробѣлъ въ шарріатѣ. По его собственному выраженію, пророкъ создавалъ свои законы «для разбойниковъ» и потому, вѣроятно, не предвидѣлъ уловки, которую въ дѣлѣ расторженія браковъ изобрѣтутъ дагестанскіе его поклонники.

Но прежде изложенія сущности законовъ, установленныхъ по этому предмету Шамилемъ, не лишнимъ будетъ объяснить значеніе калыма, что можетъ способствовать и къ лучшему уразумѣнію всего дѣла.

Калымъ есть ничто иное, какъ плата за вѣно невѣсты, или,

(*) Въ этомъ случаѣ принимается въ разсчетъ возобновленіе извѣстнаго физическаго отправленія.

другими словами, цѣна ея невинности. Эта плата считается единственнымъ достоянiемъ дѣвушки на землѣ, единственною собственностiю, которою она можетъ располагать по произволу. Потому родители, принимая отъ жениха калымъ, отнюдь не продаютъ свою дочь, какъ многiе изъ насъ предполагаютъ, а только берутъ на сохраненiе ея имущество, которое, въ случаѣ расторженiя брака, послужитъ ей средствомъ къ существованiю, если не выйдетъ она замужъ въ другой разъ или не будетъ жить, по какимъ нибудь причинамъ, въ родительскомъ домѣ. Слѣдовательно, въ дѣлѣ супружества калымъ составляетъ фундаментъ, безъ котораго не можетъ быть воздвигнуто въ горахъ это и безъ того весьма шаткое зданiе.

Но, несмотря на всю незначительность калыма, горцы, богатые физическими средствами и нищiе относительно средствъ матерiяльныхъ, по большей части не въ состоянiи были внести передъ свадьбою весь калымъ сполна, и потому почти всегда случалось, что женихъ совсѣмъ не вносилъ калыма, а, условившись на счетъ его размѣровъ, обязывался уплатить будущей женѣ впослѣдствiи. Обезпеченiемъ въ этомъ случаѣ служило изустное обѣщанiе, данное при совершенiи обряда и замѣняющее въ горахъ всевозможные акты.

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что показанiе двухъ свидѣтелей — мужчинъ или четырехъ женщинъ—въ какомъ бы то ни было дѣлѣ составляетъ все, что нужно для произнесенiя окончательнаго судебнаго приговора (*). И вотъ данныя, которыя служили горцамъ основанiемъ для притѣсненiя разводимыхъ женъ.

Для обезпеченiя участи разводимыхъ женъ и въ огражденiе ихъ отъ мошенничества мужей, Шамиль велѣлъ признавать все движимое и недвижимое имущество, находящееся въ домѣ горца или въ его рукахъ, неотъемлемою его собственностiю до тѣхъ поръ, пока онъ окончательно не удовлетворитъ разводимую жену всѣмъ, что только ей слѣдуетъ, и уже послѣ этого имѣнiе могло быть передано по принадлежности, согласно его собственнаго показанiя или удостовѣренiя свидѣтелей.

Другой «нехорошiй» обычай, вызвавшiй противъ себя низамъ Шамиля, получилъ свое начало непосредственно отъ од-

(*) Исключенiя: для развода—одинъ свидѣтель (конечно, мужчина), и въ преступленiяхъ противъ чистоты нравовъ—четыре свидѣтеля.

ного изъ правилъ шарріата, которое гласитъ слѣдующее: «если разводимая жена осталась дѣвственною на брачномъ ложѣ, то должна получить только половину условнаго калыма».

Опираясь на этотъ законъ, горцы зачастую пользовались женскою стыдливостію своихъ подругъ, чтобы только имѣть возможность оставить у себя половину калыма. Свидѣтельствованіе же, допускаемое у насъ по жалобамъ о растлѣніи дѣвицъ, у мусульманъ не допускается, и, такимъ образомъ, стѣсненныя со всѣхъ сторонъ, бѣдныя женщины должны были и волей и неволей отказываться отъ права на единственное свое достояніе.

Случалось, однако, что попытки мужей не обходились безъ протестовъ. Между прочимъ и Шамилю приходилось иногда разбирать подобныя жалобы. Одна изъ нихъ поразила его своею несообразностію: претензію на половину калыма объявлялъ горецъ, прожившій съ женою восемь лѣтъ, но не имѣвшій отъ нея дѣтей. Выведенная изъ терпѣнія безстыдствомъ мужа, жена обратилась съ жалобою къ самому Шамилю, который, соображаясь съ здравымъ разсудкомъ, рѣшилъ это дѣло въ пользу женщины и даже опредѣлилъ личное взысканіе съ ея мужа за ложное показаніе. Однако, обстоятельство это окончательно утвердило его въ мысли о нѣкоторыхъ несовершенствахъ шарріата, и онъ рѣшился пополнить замѣченный имъ пробѣлъ по собственному усмотрѣнію. Установленный имъ низамъ имѣлъ слѣдующій текстъ: «мужъ, пробывшій наединѣ съ женою нѣсколько минутъ, обязанъ выдать ей при разводѣ весь калымъ сполна».

Въ то самое время, когда предводитель горцевъ издавалъ этотъ законъ (въ 1840 или 1841 году), чеченскіе старшины, отъ имени своего народа, настойчиво требовали скрѣпленія союза его съ Чечнею болѣе прочными узами, и именно посредствомъ брака съ какою либо изъ чеченскихъ фамилій. Требованіе это Шамиль признавалъ основательнымъ, но призванія къ браку съ Чеченкою не имѣлъ; а потому, чтобъ успокоить населеніе и не причинять безпокойства себѣ, онъ женился на красавицѣ Зейнабъ, дочери натурализованнаго Казикумыха Абдуллы, и тотчасъ же по совершеніи обряда развелся съ нею, выдавъ весь калымъ сполна и не допустивъ молодую жену остаться съ собою безъ свидѣтелей ни на одну минуту.

Отказываясь отъ права, которымъ охотно воспользовался бы

самъ Хункаръ, Шамиль показалъ своимъ подвластнымъ примѣръ, какъ слѣдуетъ исполнять только что изданный имъ законъ.

Брачные разводы совершались въ Дагестанѣ гораздо чаще, нежели въ Чечнѣ, а въ селеніи Гимра чаще, нежели гдѣ нибудь. Обыкновенно, это случалось во время сбора винограда и выдѣлки вина. Изъ числа пятисотъ съ небольшимъ домовъ, составлявшихъ въ прежнее время селеніе Гимра, въ двухстахъ навѣрное происходили сцены развода. Но не одно зло, заключавшееся въ непрочности этого акта гражданской жизни, побудило Шамиля дополнить правила шарріата собственными постановленіями. Онъ вообще невысокаго мнѣнія о женщинѣ и приписываетъ всѣ случающіяся съ нею невзгоды ея характеру, который, вслѣдствіе органическихъ и моральныхъ ея несовершенствъ, сложился такъ дурно, что очень часто дѣлаетъ ее неспособною угодить своему властелину. Поэтому, издавая свой законъ, онъ вовсе не думалъ искоренить или значительно ослабить пристрастіе горцевъ къ разводу: почти можно поручиться за его увѣренность въ томъ, что средствъ противъ этого зла нѣтъ, не можетъ быть и не должно быть, хотя бы потому, что для женщины, по свойственнымъ ея природѣ хитрости и коварству, всегда необходима нѣкотораго рода острастка. Но онъ въ то же время видѣлъ необходимость отнять у недобросовѣстныхъ мужей возможность произвола и съ этой именно цѣлью установилъ свой низамъ, руководясь единственно сочувствіемъ къ безвыходному положенію въ ихъ обществѣ женщины.

Низамъ 6. О торговлѣ и о мѣнѣ домашнимъ скотомъ.

Между множествомъ темныхъ сторонъ, составляющихъ характеристику горцевъ, страсть къ ябедѣ и къ тяжбамъ, конечно, слѣдуетъ поставить на первомъ планѣ. Но нигдѣ и ни въ чемъ она такъ рѣзко не проявлялась, какъ въ сдѣлкахъ, имѣвшихъ предметомъ покупку, продажу или мѣну домашняго скота: и то, и другое, и третье совершалось безпрестанно. Не надо, однако, думать, чтобы сдѣлки эти производились вслѣдствіе необходимости или изъ особеннаго пристрастія горцевъ къ промышлености и торговлѣ: такое предположеніе будетъ невѣрно; просто, одурѣлые отъ праздности, они чувствовали потребность хотя чѣмъ нибудь наполнить свое время. Тѣмъ не менѣе, бездѣльныя эти занятія возбуждали множество споровъ, нерѣдко

сопровождавшихся убійствомъ, которое потомъ обращалось въ нескончаемое канлы.

Главною причиною всего этого есть страсть къ стяжанію, которая, по словамъ Шамиля, заключается въ крови горцевъ и составляетъ основаніе ихъ характера. Получивъ иное направленіе, страсть эта привела бы къ блестящимъ результатамъ; но при условіяхъ, въ которыхъ находилась страна до покоренія ея, названная нами наклонность обратилась въ открытый грабежъ противъ чужихъ и въ мелкое воровство-мошенничество противъ своихъ. Наиболѣе важная статья богатства горцевъ — домашній скотъ, представляла цѣль, къ которой устремлялись дѣйствія, считавшіяся неблаговидными только во мнѣніи Шамиля да еще самаго незначительнаго меньшинства населенія.

Дѣйствія эти имѣли два вида. Во первыхъ, бѣднякъ-горецъ, страдая въ неурожайное время отъ голода, ведетъ лишнюю свою скотину къ запасливому сосѣду-односельцу, а чаще въ сосѣдній аулъ, и промѣниваетъ ее на нѣсколько гарнцевъ пшеницы или кукурузы. Поправивъ свое хозяйство чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда и чрезъ нѣсколько лѣтъ, онъ является къ покупщику скотины, съ тѣмъ количествомъ хлѣба, которое взялъ у него, и требуетъ возврата своихъ животовъ со всею прибылью, полученною отъ нихъ новымъ хозяиномъ. Тотъ, конечно, не желаетъ исполнить этого требованія, и вотъ завязываются споръ и тяжба, или ссора и убійство.

Для прекращенія этого, Шамиль постановилъ: чтобы промѣненная скотина оставалась собственностію новаго хозяина, а прежняго онъ лишилъ права предъявлять какую либо претензію.

Въ такихъ случаяхъ, требованіе продавца имѣло иногда въ своемъ основаніи недостатокъ соображенія: ему казалось, что онъ не продалъ и не промѣнялъ свою скотину безвозвратно, а только подъ залогъ ея взялъ нужное количество хлѣба. Процентомъ же на выданный капиталъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вознагражденіемъ за потравленный скотиною кормъ должна была, по его мнѣнію, служить работа, въ которой скотина находилась это время. Впрочемъ, случаи подобнаго недоразумѣнія встрѣчались рѣдко; большею же частію несправедливое требованіе было основано на умыслѣ воспользоваться боязнью противника возбудить ссору или нежеланіемъ его заводить тяжбу. Но вотъ другой видъ дѣла, который не оставляетъ ужь ни малѣйшаго сомнѣнія относительно настоящаго своего смысла.

Здѣсь неблаговидная цѣль заключалась въ томъ, чтобы, продавъ скотину исхудалую или съ недостатками, конечно, за самую ничтожную цѣну, возвратить ее за тѣ же деньги впослѣдствіи, когда она поправится и будетъ стоить во много разъ дороже первоначальной цѣны. Начало этого зла содержится въ шарріатѣ, дозволяющемъ возвратъ украденной скотины не иначе, какъ за первоначальную ея цѣну. Безъ всякаго сомнѣнія, въ основаніи закона лежала идея о наклонностяхъ людей, для которыхъ онъ былъ писанъ: спорная скотина могла быть украдена у перваго ея хозяина и достаться послѣднему, перейдя чрезъ нѣсколько рукъ. Высказывая эту идею, пророкъ имѣлъ также въ виду бѣдность большинства своихъ послѣдователей, при которой возвратъ скотины нерѣдко бываетъ дѣломъ крайней необходимости. И дѣйствительно: мѣра эта вполнѣ соотвѣтствовала бы потребностямъ, хотя бы, напримѣръ, дагестанскихъ горцевъ, еслибъ шарріатъ обусловилъ разрѣшенную имъ сдѣлку срокомъ, въ который она можетъ быть допущена. Однако, обстоятельство это, подобно многимъ другимъ, ускользнуло отъ дальновидности законодателя, и, такимъ образомъ, для недобросовѣстныхъ людей открылось обширное поприще, гдѣ надежную для себя опору они находили въ самомъ законѣ. Но такъ какъ задача, столь дурно разрѣшенная пророкомъ, разрѣшается болѣе удовлетворительнымъ образомъ посредствомъ здраваго смысла, котораго такъ много у горцевъ, то надежды продавца худой скотины должны были разбиваться о показанія всегдашнихъ свидѣтелей всякой сдѣлки, сосѣдей, которые ясно доказали бы ему, что хотя спорная скотина дѣйствительно принадлежитъ ему, но что поступила она во владѣніе послѣдняго хозяина совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ находится теперь. И потому, чтобъ избѣжать непріятности встрѣтить подобный отпоръ, извѣстнаго сорта люди поступали такимъ образомъ:

Дождавшись того времени, когда исхудалая скотина поправится, а больная выздоровѣетъ, они подсылали къ хозяину ея людей, раздѣляющихъ взглядъ ихъ на чужую собственность. Одинъ изъ нихъ объявляетъ, что такая-то скотина принадлежитъ ему и что съ давнихъ поръ она была у него украдена, въ чемъ и представляетъ нужное число свидѣтелей. Противъ такихъ доводовъ возраженія не могло быть: согласно правилъ

шарріата, скотина выдавалась за первоначальную ея цѣну, и плутовство увѣнчивалось успѣхомъ, къ ущербу честныхъ людей

Почти то же самое происходило въ тѣхъ случаяхъ, когда у купленной или вымѣненной скотины, преимущественно у лошади, оказывался какой нибудь порокъ. Однимъ изъ правилъ шарріата продажа такой скотины положительно запрещается, подъ опасеніемъ опредѣленнаго тѣмъ же правиломъ наказанія. Но больше объ этомъ ничего тамъ не сказано, и покупщики, не имѣя въ виду закона, опредѣляющаго для подобныхъ претензій срокъ, предъявляютъ ихъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ и даже цѣлый годъ по совершеніи сдѣлки. Можно себѣ представить, какіе ссоры и споры способно возбудить небольшое упущеніе, сдѣланное законодателемъ.

И вотъ эти-то недостатки пополнилъ Шамиль своимъ низамомъ: онъ опредѣлилъ срокъ для предъявленія претензій на проданную, купленную или вымѣненную скотину, именно три дня. По истеченіи этого времени, претендатели теряли всякое право на спорный предметъ или могли пріобрѣсти его за новую цѣну, по взаимному соглашенію съ послѣднимъ владѣльцемъ скотины.

Обѣ принятыя Шамилемъ мѣры оказались на столько дѣйствительными въ примѣненіи, что поселили въ немъ убѣжденіе о необходимости оставить законъ во всей его силѣ и въ настоящее время.

Въ заключеніе слѣдуетъ прибавить, что низамъ этотъ учрежденъ не столько для дагестанскихъ горцевъ, сколько для горныхъ Чеченцевъ (*), которые нуждались въ немъ чаще, нежели всѣ остальныя племена восточнаго Кавказа.

Низамъ 7. Обезпеченіе взаимныхъ обязательствъ.

Законъ этотъ былъ вызванъ безпрестаннымъ нарушеніемъ договоровъ между частными людьми, что затрудняло нескончаемыми хлопотами правительство и порождало въ странѣ важные безпорядки, окончательно подрывая въ населеніи взаимное довѣріе другъ къ другу.

Уловка, употребляемая горцами въ этихъ случаяхъ, есть та самая, которую употребляютъ они въ своихъ супружескихъ разсчетахъ. Обыкновенно, кредиторы предъявляютъ свои требованія въ то время, когда имѣютъ свѣдѣнія, что должники ихъ

(*) Шатоевцы, Тадбуртинцы и Кіялальцы.

располагаютъ средствами къ возврату позаимствованныхъ денегъ, скотины или другихъ предметовъ. Тѣмъ не менѣе, въ отвѣтъ они почти всегда слышатъ, что и находящіяся въ ихъ рукахъ деньги, и скотина и все остальное имъ не принадлежитъ, а уже давно отдано такому-то, въ чемъ и представляютъ нужное число подкупленныхъ свидѣтелей. Такимъ образомъ, страсть къ обману обуяла можно сказать все населеніе страны, потому что въ этомъ, напримѣръ, случаѣ, въ сдѣлкѣ между двумя лицами, въ обманѣ участвуютъ еще четыре человѣка свидѣтелей, да пятый, который возбудилъ обманъ.

Мѣра, принятая Шамилемъ, была та же самая, которая обусловливала брачный разводъ, именно: все, что находится у горца въ домѣ, а также при немъ или на немъ, предписано признавать его собственностію, отъ начала иска и до окончанія его.

Въ обоихъ случаяхъ, и въ дѣлѣ расторженія брака и въ обезпеченіи обязательствъ, законъ этотъ, по словамъ Шамиля, произвелъ вполнѣ желаемое дѣйствіе: въ первомъ случаѣ, онъ принудилъ горцевъ смотрѣть на брачныя узы нѣсколько серьезнѣе, такъ что, со времени обнародованія закона, разводы сдѣлались замѣтно рѣже. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ тоже внушилъ горцамъ болѣе правильное понятіе о чужой собственности. Однако. вникая въ слова Шамиля о необходимости, которая безпрестанно встрѣчалась въ примѣненіи закона, нельзя не замѣтить въ нихъ противорѣчія съ «стремленіемъ горцевъ къ правдивости», о которой тотъ же Шамиль постоянно отзывается съ большою похвалою. Гдѣ именно заключается это противорѣчіе—въ характерѣ ли горцевъ, или въ пристрастіи со стороны самого Шамиля, довольно понятномъ послѣ дурнаго разсчета, которымъ горцы закончили свой долговременный союзъ съ нимъ,—вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только при ближайшемъ знакомствѣ съ нашими новыми соотечественниками.

Низамъ 8. Административныя учрежденія.

До вступленія Шамиля въ управленіе немирнымъ краемъ, всѣ общества и деревни управлялись старшинами и кадіями, или дебирами (*), власть и вліяніе которыхъ были весьма сомнитель-

(*) Слова: кади, дебиръ и мулла, имѣютъ одно и то же значеніе: это градоначальникъ, облеченный вмѣстѣ съ тѣмъ и духовнымъ саномъ. Въ Среднемъ Дагестанѣ онъ назывался дебиромъ, во всѣхъ кумыкскихъ владѣніяхъ—кадіемъ, а въ Чечнѣ—муллою.

наго свойства. Убѣдившись въ безсиліи этихъ начальствъ, Шамиль раздѣлилъ страну на наибства, предоставивъ наибамъ весьма большія права. Они творили судъ и расправу не только въ обыкновенныхъ тяжебныхъ дѣлахъ, но и все касавшееся безопасности и благосостоянія ввѣреннаго имъ края лежало на ихъ отвѣтственности, а слѣдовательно подлежало ихъ же разбирательству и распоряженіямъ. Однимъ словомъ, имъ было предоставлено все военное управленіе, за исключеніемъ сложныхъ наступательныхъ предпріятій, и все гражданское управленіе, кромѣ введенія новыхъ административныхъ мѣръ, имѣвшихъ форму и силу закона. Исключенія эти подлежали власти имама, точно такъ же, какъ и смертная казнь, которая хотя и опредѣлялась наибами, но приговоры ихъ приводились въ исполненіе не иначе, какъ съ утвержденія Шамиля. Впрочемъ, послѣднее постановленіе состоялось не въ началѣ, а съ теченіемъ времени, когда Шамиль узналъ о случаяхъ насправедливости наибовъ, казнившихъ нѣсколько человѣкъ совершенно безвинно, изъ корыстныхъ видовъ. Все остальное было сосредоточено въ рукахъ наибовъ.

Дѣла тяжебныя (гражданскія) разбирались, по смыслу корана, дебирами (или муллами), кадіями и муфтіями. Въ каждомъ селеніи было нѣсколько муллъ; но изъ нихъ только одинъ облекался властію градоначальника. Муфтій назначался въ каждое наибство и, сверхъ того, въ каждое почему нибудь особенно замѣчательное селеніе. Приговоры всѣхъ этихъ лицъ передавались для исполненія наибамъ въ тѣхъ случаяхъ, если съ которой нибудь стороны обнаружится нежеланіе покориться рѣшенію шарріата добровольно. Тогда наибъ требовалъ къ себѣ тяжущихся и рѣшалъ дѣло въ одну минуту, согласно объявленнаго ихъ судьею толкованія. Апелляція на это рѣшеніе могла быть представлена только имаму, отъ котораго исходили повелѣнія, не допускавшія отлагательства и уже не встрѣчавшія ни апелляціи, ни ропота.

При стѣсненномъ положеніи края вообще, при невозможности сообщить ходу гражданскихъ дѣлъ какую либо форму, а главное—при общемъ отвращеніи горцевъ ко всякаго рода формальностямъ, и особенно къ промедленію, хотя бы дѣло шло о жизни или смерти тяжущихся, другаго порядка вещей и быть не могло. Шамиль зналъ это очень хорошо, а потому и на сла-

бую сторону своей администраціи смотрѣлъ довольно равнодушно, выходя изъ апатіи только въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ.

Ближайшими помощниками наибовъ, какъ гражданскихъ правителей, были муриды и дебиры (*). Въ вѣдѣніи послѣднихъ состояли пятисотенные, сотенные и десятники. Всѣ они, кромѣ муридовъ, избирались изъ людей, принадлежавшихъ къ мѣстному населенію, и назначались въ свои должности наибомъ.

Дебиры назначались градоначальниками въ тѣ мѣста, гдѣ не было резиденціи наиба. Въ отношеніи къ нему они были то же самое, что наши городничіе въ отношеніи къ губернатору. Занятія и права ихъ были тоже такія, и вообще кругъ дѣйствій ихъ былъ очень ограниченъ: они рѣшали дѣла только незначительной важности, всѣ же остальныя представляли на усмотрѣніе наибовъ (именно гражданскія, духовныя подлежали исключительно вѣдѣнію муфтіевъ).

Въ вѣдѣніи дебировъ, кромѣ пятисотенныхъ, сотенныхъ и десятскихъ, находились и татели.

Обязанность тателей заключалась въ наблюденіи за исправнымъ исполненіемъ горцами требованій религіи, извѣстныхъ подъ именемъ фарыза и составляющихъ необходимую принадлежность всякаго мусульманина.

Всѣ эти должностныя лица, взятыя вмѣстѣ, представляли собою сколокъ нашей городской и земской полиціи. Въ военномъ отношеніи, наибъ былъ главномандующій войсками, расположенными въ странѣ, ввѣренной его управленію. Другими словами, онъ былъ главный начальникъ всѣхъ, кто только въ его наибствѣ носилъ оружіе. Безопасность края лежала на полной его отвѣтственности, и онъ, распоряжаясь самовластно встрѣчею непріятеля, а также отряжая мелкія шайки или давая начальникамъ ихъ позволеніе для набѣговъ на наши предѣлы, не имѣлъ только права устраивать безъ разрѣшенія имама экспедиціи большихъ размѣровъ.

Помощниками наиба въ военное время, или, вѣрнѣе, частными начальниками въ дѣйствующихъ войскахъ были тѣ же пятисотенные, сотенные и десятскіе. Обязанности ихъ на время отсутствія изъ мѣста жительства такъ же, какъ и обазанности наиба, исполнялись людьми, ими же самими избранными. По большей части это были или близкіе ихъ родственники, или

(*) То есть все тѣ же муллы или кадіи.

хорошо извѣстные имъ люди, на которыхъ вполнѣ можно было положиться.

Какъ въ военное, такъ и въ мирное время, наибы подчинялись *мудиру*. Это званіе Шамиль учредилъ для легкости сношеній съ наибствами, слишкомъ отдаленными отъ его собственной резиденціи, а также и для болѣе дѣйствительнаго надзора за нѣкоторыми не совсѣмъ надежными наибами. Такими мудирами были у него вначалѣ: Шуаипъ-мулла въ большой Чечнѣ, Ахверды-Магома — въ малой; потомъ Саидъ, Кибитъ-Магома, Даніэль-султанъ, Албазъ-Дебиръ и нѣкоторые другіе въ разныхъ частяхъ Дагестана. Послѣднимъ былъ сынъ его Гази-Мухаммедъ. Относительно гражданскаго управленія мудиръ былъ нѣчто въ родѣ нашего генералъ-губернатора.

Званіе мудира, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими нововведеніями по военной части, учреждено Шамилемъ по образцу турецкому, со словъ и по руководству извѣстнаго въ немирномъ краѣ Чеченца Юсуфа-Хаджи, который долго жилъ въ Константинополѣ и, возвратившись потомъ къ Шамилю, плѣнилъ его разсказами о турецкой администраціи.

Для секретнаго наблюденія за дѣйствіями всѣхъ вышепоименованныхъ административныхъ лицъ, Шамиль учредилъ еще званіе *мухтасибовъ*. Число ихъ было неопредѣленно, и постояннаго мѣста жительства они не имѣли, а перемѣняли его по мѣрѣ надобности. Въ случаяхъ, достойныхъ вниманія, они секретнымъ образомъ поставляли въ извѣстность имама для принятія съ его стороны нужныхъ мѣръ.

Наконецъ, нужно еще сказать нѣсколько словъ о шамилевыхъ мюридахъ, съ которыми до сихъ поръ мы были знакомы по свѣдѣніямъ, какъ кажется, не совсѣмъ точнымъ.

По объясненію нашихъ ученыхъ, «муршидъ» есть наставникъ въ правилахъ тарриката, или человѣкъ, «указующій истинный путь», а «муридъ» есть человѣкъ, «желающій слѣдовать по этому пути».

Собственно въ этомъ смыслѣ мы и понимали значеніе дагестанскихъ муридовъ, а ученіе, которому они слѣдовали, мы называли «муридизмомъ». Объ этомъ ученіи у насъ было много писано; поэтому распространяться о немъ здѣсь мы считаемъ лишнимъ, а оставляемъ за собою право изложить касающіеся этого предмета факты особо въ самомъ непродолжительномъ времени. Теперь же обращаемъ вниманіе читателей на

объясненіе Шамиля, изъ котораго видно, что кромѣ муридовъ, которыхъ онъ называетъ «муридами по таррикату», въ Дагестанѣ были еще другіе муриды, которыхъ уже слѣдуетъ обозначить не «учениками», а «исполнителями». Этихъ послѣднихъ онъ называетъ «наибскими муридами».

Чтобы сдѣлать понятною эту разницу, нужно объяснить обязанности каждаго изъ муридовъ, а также и условія, въ которыхъ находились люди, принимавшіе на себя эти званія.

Муридомъ по таррикату могъ сдѣлаться всякій желающій, безъ различія возраста, состоянія, образованія и умственныхъ способностей: для этого онъ долженъ былъ только явиться къ проповѣднику тарриката и объявить ему свое желаніе «искать правильную дорогу». Отказа никогда не бывало, и желающій тотчасъ же получалъ наставленіе о томъ, какъ долженъ держать себя человѣкъ, желающій идти по стопамъ пророка и удостоиться блаженства въ будущей жизни, отказавшись отъ блеска и приманокъ настоящей. Сверхъ того, ему называли книги, которыя слѣдуетъ теперь читать, и указывали въ нихъ мѣста, на которыя нужно обращать особенное вниманіе.

Съ этой минуты прозелитъ принималъ названіе мурида и посвящалъ всю свою жизнь единственно изученію тарриката. Разорвавъ всѣ связи съ внѣшнимъ міромъ, онъ удалялся отъ всего, что напоминало житейскую суету вообще, а войну въ особенности. Только изрѣдка являлся онъ къ своему учителю для бесѣды и для разъясненія представлявшихся ему недоразумѣній.

Понятно, что муридами по таррикату дѣлались люди не особенно храбрые и еще тѣ, которые отъ природы были ужь черезчуръ набожны. По крайней мѣрѣ за время Шамиля изученіемъ тарриката занимались, по словамъ одного изъ членовъ семейства нашего плѣнника, одни только лѣнтяи, дармоѣды и въ особенности трусы.

Совсѣмъ другаго рода человѣкъ былъ «наибскій муридъ», и столько же различны были условія его быта и обязанности, которыя онъ на себя принималъ. Всѣ познанія его въ книжной мудрости ограничивались чтеніемъ корана и сознаніемъ необходимости газавата. Всѣ его достоинства должны были заключаться въ отсутствіи физическихъ недостатковъ, препятствующихъ владѣть оружіемъ, и въ слѣпомъ повиновеніи своему наи-

бу, какъ бы безчеловѣчны и нелѣпы ни были его приказанія. Вотъ все, что отъ него требовалось, независимо храбрости и удостовѣренія о поведеніи, или, вѣрнѣе, о личности, которую, въ случаѣ невѣдѣнія о томъ наиба, свидѣтельствовали односельцы мурида.

За свою службу при наибѣ, муридъ получалъ отъ него все, что было необходимо для существованія и для участія въ войнѣ. Ему давали лошадь, оружіе и одежду. Иногда наибы содержали и все семейство мурида. У самого Шамиля это принято было всегдашнимъ правиломъ (*).

Такія условія составляли вѣрную приманку для людей, которымъ нечего было ѣсть или нечего было терять. Впрочемъ, и люди богатые шли въ муриды чуть ли еще не съ большею охотою, имѣя въ виду удовлетвореніе честолюбія, потому что служба муридовъ считалась самою почетною въ краѣ; а муриды имамскіе однимъ своимъ появленіемъ внушали ужасъ въ самихъ наибахъ. Отсюда начало той храбрости, которая свойственна однимъ муридамъ, и той собачьей преданности, которую питали они къ наибамъ, умѣвшимъ поддерживать ее.

Замѣтимъ мимоходомъ, что послѣднее чувство столь сильно развито въ горцѣ, особливо пока онъ еще молодъ, что составляетъ нѣкоторымъ образомъ потребность его натуры.

При первыхъ двухъ имамахъ, муридовъ этихъ не существовало: они составляютъ учрежденіе собственно Шамиля. Идея же этого учрежденія, заимствованная имъ изъ преданій первыхъ временъ исламизма, основана на крайней необходимости имѣть подъ рукою у имама и у его помощниковъ людей вѣрныхъ и вполнѣ способныхъ къ безотлагательному исполненію различныхъ мѣръ, требуемыхъ исключительнымъ положеніемъ страны и разнородностію элементовъ ея населенія.

Это и было настоящее назначеніе муридовъ: религіозной цѣли въ этомъ учрежденіи не было ни на волосъ.

Организовавъ такимъ образомъ управленіе немирнымъ краемъ, Шамилю оставалось только наблюдать за добросовѣстнымъ выполненіемъ административными лицами своихъ обязанностей и

(*) На иждивеніи Шамиля, то есть на иждивеніи общественной казны, жили 132 человѣка муридовъ, составлявшихъ постоянную его стражу, семейства нѣкоторыхъ наибскихъ муридовъ, множество нищихъ и увѣчныхъ горцевъ съ ихъ семействами и всѣ бѣглые солдаты, проживавшіе въ Веденѣ; всего счетомъ до 2,000 душъ.

заниматься внѣшними дѣлами своей страны. По его словамъ, онъ такъ и дѣлалъ. Въ какой степени были дѣйствительны принятыя имъ мѣры, мы можемъ теперь судить самымъ безошибочнымъ образомъ, имѣя въ своихъ рукахъ всѣ необходимыя для того данныя.

Низамъ 9. Общественная казна и содержаніе административныхъ лицъ.

Въ прежнее время, до образованія въ Дагестанѣ имамата, страна давала содержаніе только ханамъ, бекамъ (дворянамъ) и дебирамъ, или градоначальникамъ. Потребныя для этого подати установлены были еще во времена Аббасидовъ, явившихся въ Дагестанѣ въ шестомъ столѣтіи гиджры, съ цѣлью распространенія ислама. Подробности этого нашествія сохранились въ книгѣ Мухаммеда-Рафи (*) и дополнены изустными преданіями горцевъ и ихъ собственными комментаріями. Чрезъ это составилось сказаніе, объясняющее весьма многіе факты, въ томъ числѣ происхожденіе дагестанской аристократіи и существовавшую до Шамиля систему податей. Мы приводимъ здѣсь сказаніе объ этомъ послѣднемъ предметѣ, чтобы лучше уяснить значеніе шамилевскаго закона, о которомъ идетъ рѣчь.

Утвердившись первоначально въ прибрежной части Дагестана (именно въ нынѣшнихъ шамхальскихъ владѣніяхъ), Аббасиды обратили вниманіе на сосѣдственныя земли. Направляя туда своихъ воинственныхъ миссіонеровъ, они приказывали имъ распространять исламъ, смотря по обстоятельствамъ, силою убѣжденій или силою оружія, съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ первомъ случаѣ освобождать прозелитовъ отъ всякихъ податей и повинностей или же облагать ими въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, а въ послѣднемъ предавать непокорныхъ и принадлежащее имъ имущество огню и мечу, начиная съ ихъ повелителей.

Изъ числа посланныхъ Аббасидами предводителей, родственникъ ихъ Абу-Муссслимъ занялъ Аварію. Въ самомъ непродолжительномъ времени онъ лишилъ страну оборонительныхъ средствъ и заставилъ ея населеніе принять исламъ. Тогдашній владѣтель Аваріи, Суракатъ, не видя возможности отстоять свою власть силою оружія, скрылся въ трущобахъ сосѣдней Тушетіи, которую Шамиль называетъ «Тушъ» и «Мосокъ», и тамъ чрезъ нѣсколько времени умеръ.

(*) Дагестанцы называютъ этого ученаго муллою-Челеби.

Преданіе называетъ Абу-Муссслима самымъ умнымъ и самымъ дѣльнымъ изъ всѣхъ Аббасидовъ-завоевателей Дагестана. Дѣятельно занимаясь распространеніемъ ислама, онъ въ то же время обращалъ особенное вниманіе на внутреннее устройство края. Согласно наставленіямъ пославшихъ его Аббасидовъ, онъ приказалъ составить, на случай упорства населенія къ принятію ислама, ясныя и точныя правила для взиманія податей въ самыхъ обременительныхъ размѣрахъ (*). Въ первое время его управленія, когда народъ выказалъ еще нѣкоторое упорство, правила эти были въ полномъ дѣйствіи. Но потомъ, замѣтивъ, въ какой степени они угнетаютъ населеніе, и убѣдившись къ тому же въ совершенной его покорности, по крайней мѣрѣ наружной, Абу-Муссслимъ прекратилъ дѣйствіе своего закона и обложилъ страну самою незначительною податью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая доставить существованію исламизма въ Аваріи болѣе надежныя ручательства, онъ объявилъ, что изданныя имъ правила снова войдутъ въ свою силу тотчасъ, какъ только народъ вздумаетъ уклониться отъ новой религіи.

Но ему не пришлось привести свою угрозу въ исполненіе. За то ее исполнили настоящіе природные владѣтели Аваріи.

Сынъ Сураката, по имени неизвѣстный, былъ такой же фанатикъ въ идолопоклонствѣ, какъ Кази-Мулла въ исламизмѣ. Питая сильнѣйшую ненависть къ шарріату и къ проповѣдникамъ его, онъ, бывши еще съ отцомъ въ изгнаніи, дѣлалъ все для ниспроверженія недавно установленнаго порядка вещей. Старанія его увѣнчались успѣхомъ, потому что новые мусульмане очень охотно отказывались отъ выполненія требованій шарріата, сильно стѣснявшаго ихъ необузданныя стремленія. Пользуясь этимъ, сынъ Сураката набралъ сильное войско, явился съ нимъ передъ Хунзахомъ и занялъ его безъ сопротивленія: Абу-Мусселимъ оставилъ его заблаговременно, повинуясь пророческому значенію видѣннаго имъ сна.

Вступивъ въ управленіе отцовскимъ наслѣдіемъ и ниспровергая установленный пришельцами порядокъ вещей до основанія, сынъ Сураката остановился наконецъ передъ закономъ о взиманіи податей. Законъ этотъ показался ему дѣльнымъ и вполнѣ удовлетворяющимъ потребностямъ если не страны, то ея обладателей. На этомъ основаніи, онъ не замедлилъ приве-

(*) Правила эти изложены въ особой книгѣ, или росписи, дошедшей до Шамиля и существующей и въ настоящее время.

сти его въ дѣйствіе. Мусульманскіе миссіонеры, снова пришедшіе въ Аварію чрезъ 23 года послѣ Абу-Мусселима, оставили законъ во всей его силѣ, въ наказаніе народу за его отступничество. Потомъ утвердили его и преемники суракатова сына, вполнѣ раздѣлявшіе взглядъ своего предшественника на удобопримѣнимость этого закона. Наконецъ, съ теченіемъ времени, призналъ дѣйствительность его для всѣхъ грядущихъ поколѣній и самый народъ, обыкновенно взирающій на каждую исписанную бумажку какъ на документъ неопровержимый.

Въ такомъ видѣ, безъ всякихъ измѣненій, бичевали аварскіе владѣтели своихъ подданныхъ системою Абу-Мусселима до самаго присоединенія Аваріи къ бывшему имамату.

При первыхъ двухъ имамахъ, перемѣнъ въ этомъ отношеніи не произошло никакихъ, за исключеніемъ поборовъ, болѣе или менѣе насильственныхъ, взимавшихся въ пользу военныхъ потребностей, но безъ всякой системы и порядка. Несмотря на то, что, въ продолженіе этого періода, Шамиль былъ, по его выраженію, «военнымъ министромъ», онъ рѣшительно не можетъ назвать по имени ни одной статьи доходовъ имамата. Разорили Кизляръ — говоритъ онъ — разорили непокорные аулы, разграбили дворецъ аварскихъ хановъ: вотъ и добыча. Раздѣлили ее между участниками: имаму досталось больше всѣхъ — вотъ и общественная казна».... Онъ не могъ даже сказать, какое употребленіе дѣлали въ то время изъ конфискованныхъ имуществъ, то есть было ли для нихъ какое либо опредѣленное назначеніе, какъ при немъ, или подлежали они какимъ либо инымъ правиламъ. Словомъ, всѣ были какъ въ туманѣ, никто не разсчитывалъ на что нибудь вѣрное, никто не думалъ о завтрашнемъ днѣ, потому что и завтра было такъ же сомнительно, какъ вчера и какъ сегодня.

Послѣ истребленія аварскихъ хановъ, владычество Гамзатъ-Бека было такъ непродолжительно, что онъ не успѣлъ ввести почти ни одной административной мѣры сколько нибудь серьезной. Да онъ мало объ этомъ и думалъ, будучи занятъ упроченіемъ своей власти къ Хунзахѣ. Притомъ же, судя по словамъ Шамиля, онъ былъ весьма недальновидный политикъ и очень плохой администраторъ. Самъ же Шамиль, хотя и находился вмѣстѣ съ нимъ въ главѣ управленія, но видя въ упорствѣ, съ которымъ Гамзатъ рѣшился основать свою резиденцію въ Хунзахѣ, близкій и неблагопріятный конецъ его попри-

ща, онъ удалился отъ дѣлъ и проживалъ въ Гимра частнымъ человѣкомъ. Поэтому и въ дѣлѣ распредѣленія Гамзатомъ доходовъ и расходовъ ровно ничего не сдѣлано, а все осталось по старому: въ Аваріи и въ другихъ земляхъ, подчиненныхъ ханской власти, какъ было при Суракатѣ, а въ остальномъ Дагестанѣ, какъ было споконъ вѣка, только съ примѣсью нѣкоторыхъ насильственныхъ поборовъ, вынуждавшихся ненормальнымъ состояніемъ страны.

Разсмотрѣвъ весь ужасъ положенія народа, угнетеннаго нелѣпыми правилами до послѣдней крайности, Шамиль поспѣшилъ остановить ихъ дѣйствіе и опредѣлилъ подати въ размѣрахъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ установленными Абу-Мусселимомъ, при чемъ издалъ строгій наказъ не вынуждать податей силою отъ тѣхъ, кто не въ состояніи внести ихъ, и не подвергать несостоятельныхъ никакимъ взысканіямъ (*). Для большаго же облегченія народа, онъ приказалъ взимать подати не одними произведеніями земли или звонкою монетою, но и всѣмъ, что только жители пожелаютъ отдать. Конечно, при такомъ условіи трудно было составить финансовый балансъ. Онъ былъ невозможенъ еще и потому, что расходныя статьи безпрестанно мѣнялись и никогда не были извѣстны заблаговременно. Какъ бы то ни было, но составлявшіяся такимъ образомъ суммы Шамиль обратилъ въ общественную казну—«бейтульмаль», которая расходовалась единственно на нужды края. Цифра ея, при гуманномъ способѣ взиманія податей, не могла быть велика; но, во первыхъ, нашъ десятокъ рублей въ горахъ стоитъ тысячи, а во вторыхъ фондъ бейтульмаля составлялся не изъ одной ходячей монеты: сюда принадлежали цѣлые косяки лошадей, огромныя стада барановъ и рогатаго скота и цѣлые арсеналы оружія, что тоже стоитъ денегъ, а у насъ стоитъ даже и большихъ денегъ. Независимо того, Шамиль усилилъ средства общественной казны еще тремя источниками: конфискаціею имуществъ эмигрантовъ и обвиняемыхъ въ извѣстныхъ преступленіяхъ штрафными деньгами, о которыхъ было сказано выше, и выдѣломъ изъ военной добычи, о которомъ будетъ сказано ниже (**). Что касается «зяката», подати, которую многіе изъ нашихъ писателей относятъ тоже къ числу доходовъ общественной казны, то, по сло-

(*) Размѣры податей въ точности не были опредѣлены.

(**) Эти послѣднія деньги, согласно требованіямъ шарріата, расходовались исключительно на однѣ военныя нужды.

вамъ Шамиля, она, какъ составляющая учрежденіе религіи, взималась совершенно на особыхъ основаніяхъ и расходовалась, тоже согласно указаній шарріата, на учрежденіе школъ и мечетей и на вспомоществованіе бѣднымъ. Съ доходами же общественной казны она ничего общаго не имѣла и вѣдѣнію имама никогда не подлежала, а находилась въ полномъ распоряженіи духовенства.

Теперь обратимся къ содержанію лицъ, занимавшихъ различныя административныя должности.

Правду сказать, законъ, разъяснившій это дѣло, далеко не представляетъ собою строго обдуманной системы; напротивъ, въ ней даже, какъ мы увидимъ, многаго недостаетъ, а многое ребячески наивно. Однако, нельзя въ этомъ обвинять ни личность законодателя, ни его понятія, ни степень его образованія, такъ какъ утвердительно почти можно сказать, что принятая имъ система была бы вполнѣ хороша и въ своемъ невыдѣланномъ видѣ, еслибъ взглядъ Шамиля на благо страны, его честность и доброжелательство хотя бы на половину были усвоены людьми, управлявшими страною подъ его началомъ. Но этого не было, и вотъ причина, по которой многое изъ того, что было установлено Шамилемъ, принесло совсѣмъ не тѣ результаты, какихъ онъ желалъ.

Это самое случилось съ закономъ о содержаніи административныхъ лицъ. Дѣйствіе его распространялось на дебировъ, муфтіевъ, наибовъ, мудировъ, муртазековъ и тателей. Содержаніе ихъ (такъ же, какъ и муридовъ, о которыхъ мы уже говорили) опредѣлено шарріатомъ на счетъ военной добычи изъ пая «масаалехъ» (достойному достойное); но цифра пая была такъ ничтожна въ сравненіи съ потребностями, для удовлетворенія которыхъ онъ назначенъ, что Шамиль нашелся вынужденнымъ сдѣлать изъ него другое употребленіе, тоже указанное шарріатомъ, а содержаніе лицъ, служившихъ общественному дѣлу, отнесъ на счетъ страны.

Въ этомъ отношеніи, прежде всего онъ обратилъ свой низамъ на доходы дебира и произвелъ въ нихъ значительную перемѣну, немало облегчившую населеніе.

Доходы дебировъ въ прежнее время были различны и находились въ полной зависимости отъ мѣстныхъ условій и степени благосостоянія жителей. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ дебирамъ отводили только землю для хлѣбопашества,

что дѣлалось впослѣдствіи и въ отношеніи муфтіевъ. Въ Гумбетѣ, сверхъ того, жители обработывали и участки ихъ. Въ Анди дебиры получали плату за погребеніе умершихъ; размѣры ея были неопредѣленны. Въ Чечнѣ давали дебирамъ (мулламъ) по двѣ сабу хлѣба съ каждаго двора. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Дагестана они получали по одной сабу хлѣба, въ другихъ деньгами. Однимъ словомъ, дѣломъ этимъ управлялъ адатъ (обычай), и Шамиль, нимало не касаясь его въ Дагестанѣ, обратилъ свой низамъ противъ чеченскаго адата. Принявъ во вниманіе страдательное положеніе, въ которомъ страна эта постоянно находилась, онъ уменьшилъ доходы дебировъ ровно на половину и, сверхъ того, половину этой половины приказалъ отдавать муфтіямъ, а наблюденіе за исполненіемъ поручилъ наибамъ.

Точно также и въ Дагестанѣ дебиры отдавали половину своихъ доходовъ муфтіямъ; но здѣсь было небольшое исключеніе: въ Чечнѣ низамъ этотъ былъ обязателенъ для всѣхъ дебировъ; въ Дагестанѣ же нѣкоторые изъ нихъ не платили своимъ муфтіямъ ни копѣйки денегъ, ни зерна хлѣба. Дѣло въ томъ, что почти всѣ чеченскіе дебиры были люди необразованные, а нѣкоторые (до Шамиля) даже и безграмотные, между тѣмъ какъ дебиры дагестанскіе большею частію славились своею ученостію, а нѣкоторые даже были образованнѣе муфтіевъ. По установленному Шамилемъ порядку, всѣ дебиры, и чеченскіе и дагестанскіе, обязаны были каждую недѣлю являться къ своимъ муфтіямъ для представленія отчета о дѣлахъ рѣшенныхъ и для совѣщанія о тѣхъ, которыя по сложности своей возбуждали недоразумѣнія. Затрудненія эти вѣчно представлялись дебирамъ чеченскимъ и очень рѣдко дагестанскимъ. Это самое оостоятельство и рѣшало вопросъ: платить муфтіямъ или не платить? Замѣтимъ здѣсь, что денежные взносы дебировъ муфтіямъ въ Дагестанѣ простирались отъ 20 коп. до одного рубля серебромъ въ годъ и что, въ этихъ случаяхъ, натуральная повинность прекращалась.

Независимо половины, платимой дебирами по низаму, муфтіи пользовались еще другимъ содержаніемъ, присвоеннымъ имъ по званію дебира тѣхъ селеній, въ которыхъ они имѣли резиденцію, такъ какъ дебиры изъ муллъ туда уже не назначались.

Въ содержаніи наибовъ совсѣмъ не было и той опредѣленности, которую еще можно замѣтить въ содержаніи духовныхъ лицъ. Шамиль предоставилъ наибамъ два источника;

1) добровольныя приношенія, имѣвшія въ основаніи своемъ увѣренность, что подчиненное лицо не можетъ не имѣть желанія подарить чѣмъ нибудь своего начальника и тѣмъ пріобрѣсть его благорасположеніе, и 2) съ конфискованныхъ имуществъ, часть которыхъ должна была идти въ общественную казну. Но ни эта часть, ни часть, назначавшаяся наибу, не были опредѣлены въ размѣрахъ: то и другое Шамиль предоставилъ добросовѣстности наибовъ, которые пользовались этимъ правомъ съ такою же безцеремонностію, какъ и въ отношеніи денежнаго штрафа, опредѣленнаго за извѣстнаго рода проступки.

Все это Шамиль зналъ очень хорошо; но принять противъ этого мѣры болѣе дѣйствительныя, нежели обыкновенныя взысканія съ виновныхъ, онъ считалъ невозможнымъ, сколько по всеобщей испорченности служащаго сословія (а вѣрнѣе, по нераціональности цѣлой системы управленія), столько же и изъ опасенія энергическимъ преслѣдованіемъ взяточниковъ вызвать дальнѣйшія съ ихъ стороны ухищренія, способныя подвергнуть населенія еще большимъ невзгодамъ. Въ этомъ случаѣ, нельзя не замѣтить того обстоятельства, что Шамиль, представляющій собою такое рѣзкое исключеніе изъ общей массы своихъ соотечественниковъ, раздѣлялъ, однако, вмѣстѣ съ ними убѣжденіе, общее всѣмъ восточнымъ народамъ, относительно невозможности существовать народному управленію безъ поборовъ.

Отказывая въ опредѣленномъ содержаніи наибамъ, не отличавшимся особеннымъ безкорыстіемъ, Шамиль помогалъ другимъ — впрочемъ, немногимъ — которые были извѣстны своею честностію. По большей части это были люди совершенно бѣдные, и Шамиль отпускалъ имъ весьма значительныя пособія изъ собственныхъ денегъ или изъ той части общественной казны, которая называется «ибнъ-сабиль» и о которой будетъ сказано особо (*).

Мудиры пользовались такимъ же точно содержаніемъ, какъ и наибы, съ тою разницею, что нѣкоторые изъ нихъ управляли нѣсколькими наибствами самостоятельно, безъ посредства наибовъ, и потому получали одни все то, что слѣдовало нѣсколькимъ лицамъ. Такимъ мудиромъ былъ Даніэль-бекъ. Другіе же мудиры, имѣя на подчиненныхъ имъ наибовъ самое поверхностное вліяніе, пользовались доходами только того наибства, ко-

(*) Пособіе изъ этой послѣдней части выдавалось все-таки не иначе, какъ во время войны и на одно только военныя потребности.

торымъ управляли лично, на правахъ наиба. Сверхъ того, они получали иногда отъ подчиненныхъ имъ наибовъ подарки, впрочемъ, нисколько не обязательные, а только служившіе выраженіемъ признательности дарителей, что, по мнѣнію горцевъ, на взятку нимало не похоже.

Тателямъ, обязанность которыхъ, кромѣ наблюденія за исправнымъ выполненіемъ односельцами ихъ религіозныхъ обязанностей, состояла еще въ исполненіи наибскихъ приговоровъ, опредѣлявшихъ тѣлесное наказаніе, Шамиль предоставилъ содержаніе отъ ихъ профессіи въ слѣдующемъ порядкѣ: самое высшее наказаніе за преступленія неуголовныя опредѣлялось въ 39 палочныхъ ударовъ; самый меньшій проступокъ наказывался 11 ударами (*). За исполненіе перваго наказанія, татели получали отъ наказаннаго же одинъ полный гарнецъ муки. За наказаніе меньшимъ числомъ ударовъ они получали половину гарнца. Сверхъ того, они были освобождены отъ военной повинности (**).

Для исполненія смертныхъ приговоровъ, при каждомъ почти наибѣ состоялъ палачъ; онъ былъ на содержаніи наиба и, сверхъ того, получалъ въ свою собственность одежду казненныхъ имъ людей. Независимо того, смертные приговоры приводились въ исполненіе мюридами, а иногда цѣлымъ населеніемъ деревни, какъ, напримѣръ, въ извѣстныхъ случаяхъ прелюбодѣянія.

Содержаніе «муртазековъ» представляетъ собою единственное во всемъ низамѣ постановленіе, имѣющее вполнѣ опредѣлительный характеръ. Но прежде, нежели говорить объ этомъ, считаемъ не лишнимъ объяснить настоящее значеніе муртазековъ, о которыхъ, судя по словамъ Шамиля, у насъ существуетъ, кажется, не совсѣмъ правильное понятіе.

Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, между прочимъ, говорится, что Шамиль имѣлъ при себѣ постоянную конную стражу, «муртазигетовъ», составлявшуюся изъ людей, извѣстныхъ ему своею преданностію, и преимущественно холостыхъ. Число муртазигетовъ простиралось до шестисотъ.

Противъ этого Шамиль говоритъ, во первыхъ, что собствен-

(*) Уголовныя преступленія, за которыя опредѣлялось тѣлесное наказаніе, имѣли одинъ видъ: прелюбодѣяніе; оно наказывалось ста ударами.

(**) За каждый лишній противъ приговора ударъ татель подвергался десяти ударамъ, рукою наказаннаго имъ человѣка. Каждый принимавшій на себя званіе тателя предварительно принималъ присягу, которою обязывался не брать ни отъ кого никакихъ подарковъ.

но его стража состояла изъ ста-двадцати человѣкъ (*) и что изъ числа этихъ людей онъ дѣйствительно зналъ многихъ, но только по именамъ; личность же ихъ, за исключеніемъ ихъ начальника, ему совсѣмъ не была извѣстна. Во вторыхъ, почетную стражу составляли муриды, значеніе которыхъ уже извѣстно и еще будетъ объяснено нами впослѣдствіи; «муртазековъ» же (**) въ Дагестанѣ совсѣмъ не было, а въ Чечнѣ этимъ именемъ назывались люди, посвятившіе себя собственно караульной или кордонной службѣ и занимавшіе кордоны по всей границѣ немирной Чечни, а также и караулы у воротъ и на вышкахъ селеній. За эту службу они получали отъ своихъ обществъ особую плату, о которой мы и начали говорить. Въ третьихъ, считая безбрачіе почти развратомъ или, по меньшей мѣрѣ, поводомъ къ нему и принимая, какъ мы видѣли, всевозможныя мѣры къ соединенію молодыхъ людей посредствомъ брака, Шамиль тѣмъ менѣе могъ терпѣть холостыхъ возлѣ себя. Напротивъ, всѣ состоявшіе при немъ муриды жили въ Дарго съ своими женами и дѣтьми, а нѣкоторые даже съ родителями и вмѣстѣ съ ними получали содержаніе отъ Шамиля. Наконецъ, цифру 600 Шамиль никакъ не признаетъ вѣрною, потому что ни самъ онъ и никто другой изъ людей, состоявшихъ въ главѣ управленія, никогда не имѣли по этому предмету положительныхъ свѣдѣній. Приблизительнымъ же образомъ опредѣляетъ число мюридовъ «наибскихъ» сынъ Шамиля, Гази-Магометъ. Основывая свою догадку на распоряженіи Шамиля, по которому наибы (числомъ отъ 40—45) не должны были имѣть болѣе двѣнадцати мюридовъ, и то по мѣрѣ дѣйствительной надобности, и принимая въ соображеніе, что у него самого, какъ у мудира, было только 20 мюридовъ, а у многихъ наибовъ не болѣе пяти, онъ думаетъ, что число всѣхъ мюридовъ не превышало четырехсотъ.

Что касается мюридовъ по шаррикату, то есть послѣдователей извѣстной секты, то число ихъ было слишкомъ велико для того, чтобы привести его въ извѣстность; да они и не могутъ идти въ общій счетъ, потому что представляютъ собою совсѣмъ отдѣльное сословіе, не имѣющее ничего общаго съ ихъ храбрыми товарищами О нихъ тоже будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Теперь же скажемъ еще нѣсколько словъ о содержаніи

(*) И еще 12 десятниковъ.

(**) «Муртазекаталь»—множественное число единственнаго «муртазекъ».

муртазековъ. Званіе это было учреждено Шамилемъ одновременно съ званіемъ наиба. Въ первое время своего существованія они получали за свою службу по одному рублю и по десяти мѣръ хлѣба съ каждыхъ десяти домовъ на человѣка. Это было установлено самими жителями. Съ открытіемъ же въ Чечнѣ постоянной войны, Шамиль, для облегченія жителей, измѣнилъ эту плату, подобно тому, какъ измѣнилъ ее въ отношеніи дебировъ: съ этихъ поръ муртазеки получали по одному рублю и по восьми мѣръ хлѣба съ каждыхъ двадцати домовъ.

Что касается «мухтасибовъ», о которыхъ было упомянуто въ низамѣ объ административныхъ учрежденіяхъ, то содержанія имъ никакого не полагалось, и они имъ совсѣмъ не пользовались, потому что въ это званіе Шамиль всегда назначалъ людей религіозныхъ, пользовавшихся особеннымъ его уваженіемъ и извѣстныхъ всему населенію честностію и строгостію своихъ нравовъ.

Въ отношеніи своего собственнаго содержанія Шамиль принялъ слѣдующую мѣру. По правиламъ шарріата, общественная казна должна находиться въ непосредственномъ вѣдѣніи и безотчетномъ распоряженіи имама, какъ лица, избраннаго довѣріемъ цѣлаго народа и потому стоящаго внѣ всякаго контроля. На этомъ же основаніи ему предоставлено право тратить на свое содержаніе деньги въ неограниченномъ количествѣ, и притомъ не изъ одного пая масаалехъ, а изъ всѣхъ суммъ, составляющихъ общественную казну. Не питая отвращенія къ достоянію, добытому кровью и всякаго рода насиліями, на которыхъ дѣйствительно и основывалась цифра байтульмана, Шамиль избралъ для себя источникъ, по его мнѣнію, болѣе чистый и довольно достаточный для содержанія его дома и для пріема гостей. Источникъ этотъ была подать въ три рубля серебромъ съ дома въ годъ, которую жители пограничнаго съ имаматомъ тушинскаго участка (возлѣ Дидо) платили Шамилю за то, чтобъ онъ запретилъ дѣлать на ихъ страну набѣги (*). Обязательство это,

(*) Подать эта была установлена еще владѣтелемъ Аваріи Умма-ханомъ, умершимъ въ 1215 году гиджры (въ 1796 году) и погребеннымъ въ Закаталахъ. Только Тушины платили ему по одному рублю съ дома; а когда они предложили то же самое Шамилю, то получили въ отвѣтъ, что постановленія шарріата дозволяютъ перемиріе съ христіанами только на четыре мѣсяца, почему предложеніе ихъ и не можетъ быть принято. На этомъ основаніи, прежнюю годовую подать Тушины стали вносить каждые четыре мѣсяца.

Подобную же подать предлагали Шамилю жители Стараго Юрта (въ Малой Чечнѣ); но Шамиль отказался, собственно потому, что они намѣревались вести эти сношенія *секретно* отъ Русскихъ.

заключенное послѣ успѣховъ Шамиля въ 1843 году, Шамиль держалъ свято: наибу, въ вѣдѣніи котораго состояли сосѣднія съ тушинскимъ участкомъ общества, строго было приказано наблюдать за спокойствіемъ своихъ сосѣдей. И они, дѣйствительно, не могутъ пожаловаться на какое либо притѣсненіе со стороны исполнителей воли своего врага-союзника, потому что значительными шайками хищники никогда къ нимъ не являлись, а мелкія покражи, совершавшіяся отдѣльными лицами, по заявленіи о нихъ наибу, немедленно разыскивались и возвращались по принадлежности; виновные же подвергались взысканіямъ болѣе тяжкимъ противъ того, еслибъ преступленіе свое они совершили въ предѣлахъ имамата.

Низамъ 10. Раздѣлъ добычи.

Для раздѣла добычи, взятой на войнѣ, шарріатомъ постановлены особыя правила, въ которыхъ Шамиль допустилъ измѣненія сообразно тогдашняго положенія страны и ея потребностей. Но еслибъ онъ и не сдѣлалъ измѣненій, а только распорядился бы принятіемъ этихъ правилъ къ руководству, то и тогда была бы съ его стороны большая заслуга, потому что до вступленія его въ управленіе краемъ правила эти или совсѣмъ были неизвѣстны, а если и употреблялись при первыхъ имамахъ, то безъ всякаго порядка и соображенія, что весьма нерѣдко служило поводомъ къ недоразумѣніямъ и ссорамъ. Шамиль же, при всѣхъ недостаткахъ своей администраціи, строго придерживался избранной системы.

По правиламъ шарріата, вся добыча дѣлится на пять равныхъ частей, изъ которыхъ четыре выдѣляются поровну участвовавшимъ въ захватѣ ея, а остальная часть «хумусъ» (пятая часть) дѣлится тоже поровну на слѣдующіе пять паевъ: 1) завиль-курба, 2) масаалехъ, 3) ибнъ-сабиль, 4) масакинъ и 5) фукара. Сущность и назначеніе ихъ слѣдующія:

1) *Завиль-курба* (близкіе пророку люди).

Этотъ пай назначенъ для потомства Корейши—племени, къ которому принадлежалъ пророкъ Мухаммедъ. Представителями его въ Дагестанѣ, за время Шамиля, были 13 семействъ, въ числѣ около двухсотъ человѣкъ взрослыхъ и малолѣтныхъ, мужескаго и женскаго пола. Главами ихъ считались слѣдующія лица: извѣстный Джемалэддинъ, тесть Шамиля, Хуссейнъ, Нуреддинъ, Буттай, Сагидъ, Хассанъ-Хуссейнъ, Исякъ, Абдулла съ сыномъ Сагидомъ, Хаджіо, Мухаммедъ, Наджмуддинъ, Кур-

банъ-Мухаммедъ и еще двѣ женщины, по имени неизвѣстныя, вышедшія замужъ за людей, не принадлежавшихъ къ племени Корейша. Всѣ они казикумухцы и носятъ общее названіе «сеидовъ».

Члены этой фамиліи начинали пользоваться своею привилегіею со дня своего рожденія. Поэтому число пансіонеровъ завиль-курба никогда не уменьшалось, а, напротивъ, увеличивалось, потому что права на пансіонъ, кромѣ умершихъ, лишались только дѣти женщинъ, выходившихъ замужъ за людей чужаго племени, сами же матери продолжали имъ пользоваться по смерть. Точно также и дѣти мужчинъ племени Корейши, рожденныя отъ женщинъ постороннихъ фамилій, считаются наравнѣ съ прочими потомками пророка; но матери ихъ не пользуются этою привилегіею.

Такія условія послужили основаніемъ обычая выдавать замужъ дѣвушекъ племени Корейши за своихъ же родичей. Исключеніемъ изъ правила могла быть или ужь черезчуръ сильная любовь, способная побудить дѣвушку къ побѣгу изъ родительскаго дома, или перспектива блестящей партіи, какою, напримѣръ, представлялась въ лицѣ Шамиля для дочери Джемалэддина, Зейдатъ. Впрочемъ, собственно въ этомъ бракѣ главными двигателями были совсѣмъ другія причины.

Фондъ завиль-курба, вмѣстѣ съ прочими общественными деньгами, хранился въ домѣ Шамиля, подъ вѣдѣніемъ его казначея, который, отдѣляя одну сумму отъ другой, всѣмъ имъ велъ строгую отчетность.

Выдача пансіонерамъ слѣдующихъ имъ денегъ производилась не въ одинаковые сроки, а при накопленіи значительнаго куша, который въ то время поступалъ въ раздѣлъ полностію, безъ всякихъ вычетовъ въ пользу запаснаго капитала или для какой нибудь иной цѣли.

При раздѣлѣ, принималось въ соображеніе различіе половъ: мужчина получалъ вдвое больше противъ женщины.

О времени раздѣла пансіонеры извѣщались заранѣе. За полученіемъ пенсіона, имѣющіе на него право должны были являться въ Дарго лично или присылать своихъ повѣренныхъ.

Послѣднее обстоятельство нерѣдко служило поводомъ ко многимъ недоразумѣніямъ, особливо при первыхъ имамахъ. Выдавая за своею подписью росписки въ полученіи слѣдуемыхъ довѣрителямъ денегъ, нѣкоторые повѣренные впослѣдствіи при-

своивали привилегію племени Корейши себѣ и своимъ дѣтямъ, устраняя настоящихъ наслѣдниковъ.

Шамиль прекратилъ порождаемыя такою неурядицею тяжбы и ссоры, приказавъ строго разобрать родословную всѣхъ наличныхъ потомковъ пророка, и потомъ, когда это было сдѣлано, онъ велѣлъ составить всѣмъ имъ списокъ, въ который, на основаніи свѣдѣній, доставлявшихся казначею главами семействъ, зачислялись родившіеся и исключались умершіе и выбывшіе по другимъ случаямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обязалъ пансіонеровъ, присылавшихъ вмѣсто себя, за полученіемъ пансіона, повѣренныхъ, снабжать ихъ письменными довѣренностями съ приложеніемъ именной своей печати не одинъ разъ навсегда, какъ это было прежде, а каждый разъ, когда производилась выдача пансіона.

Дагестанскіе потомки пророка весьма неохотно принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, ради славы. Но за то не было набѣга на русскіе предѣлы, обѣщавшаго вѣрную добычу, въ который не отряжались бы представители привилегированнаго племени, въ качествѣ коммиссаровъ для наблюденія за правильностію выдѣла хумуса. Поэтому всѣ они почти всегда знали цифру своихъ капиталовъ, точно такъ же, какъ знали о числѣ народившихся и выбывшихъ пансіонеровъ (*).

Въ такихъ условіяхъ оставилъ Шамиль небольшую часть населенія немирнаго края, имѣвшую хотя небольшой, но вѣрный доходъ, пріобрѣтаемый безъ всякаго труда и усилій. Конечно, для этихъ людей очень было тяжело разстаться съ источникомъ, представлявшимъ возможность для однихъ предаваться свободно праздности, а для другихъ имѣть вѣрный кусокъ хлѣба при старости, нищетѣ и болѣзняхъ.

Собственно въ семействѣ Шамиля, къ племени Корейша принадлежатъ трое: жена его Зейдатъ и зятья Абдуррахманъ и Абдуррахимъ, ея братья (дѣти Джемалэддина). Всѣ они прибавляютъ къ своимъ именамъ титулъ «Хуссейни» (отъ «Хуссейна», внука пророка отъ дочери) и до сихъ поръ получаютъ отъ Шамиля пансіонъ завиль-курба.

(*) Потомки пророка получали свой пай только изъ добычи, взятой отъ невѣрныхъ, и вообще весь раздѣлъ подлежалъ объясненнымъ условіямъ именно въ одномъ этомъ случаѣ. Добыча же, взятая у единовѣрцевъ, поступала въ полное распоряженіе предводителя, который могъ поступить съ нею совершенно по своему произволу.

2) *Масаалехъ* («достойному достойное»).

На этотъ пай имѣютъ право, между прочимъ, отшельники (дервиши) и ученые. Въ Дагестанѣ деньги эти выдавались не иначе, какъ по выбору самого Шамиля, который, по достоинству «достойнаго», опредѣлялъ и цифру гонорарія. Однако, достойныхъ людей въ Дагестанѣ, повидимому, было очень немного, потому что сумма масаалехъ почти постоянно оставалась нетронутою, и Шамиль употреблялъ деньги ея сообразно дальнѣйшаго назначенія, опредѣленнаго для этого пая шарріатомъ, именно: на постройку и исправленіе мечетей, мостовъ, укрѣпленій, дорогъ и на другія общеполезныя сооруженія. Что касается назначеннаго шарріатомъ изъ этого же пая жалованья лицамъ, какимъ бы то ни было образомъ служащимъ общественному дѣлу, какъ-то: правителямъ края, правителямъ областей, кадіямъ, учителямъ, муэдзинамъ, полицейскимъ чиновникамъ, лицамъ, завѣдывающимъ казною, и нѣкоторымъ другимъ, то, по незначительности пая и по большому числу названныхъ шарріатомъ лицъ, не было никакой возможности исполнить его требованіе въ точности, и Шамиль, предоставивъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ общественной благотворительности, назначилъ для содержанія другихъ источники, о которыхъ мы уже говорили.

3) *Ибнъ-Сабиль* («сынъ божьяго пути»).

Деньги эти назначены для пособія меккскимъ пилигримамъ и еще людямъ, отправляющимся на войну противъ христіанъ и встрѣчающимъ недостатокъ въ какихъ либо военныхъ принадлежностяхъ. Въ обоихъ случаяхъ, пособіе выдается безвозвратно; но въ послѣднемъ съ такимъ условіемъ, что всѣ предметы, пріобрѣтенные на эти деньги, воинъ обязанъ былъ тотчасъ по окончаніи военныхъ дѣйствій изъять изъ употребленія и оставить ихъ неприкосновенными до другаго подобнаго же случая.

Это по шарріату. Но Шамиль распорядился нѣсколько иначе: дозволивъ путешествіе въ Мекку только людямъ очень старымъ, по образу мыслей вполнѣ благонадежнымъ, и притомъ зажиточнымъ въ той степени, чтобы могли обойдтись и безъ указаннаго шарріатомъ пособія (*), онъ увидѣлъ въ своемъ распоряженіи

(*) Впрочемъ, эти условія назначены и шарріатомъ, который путешествіе къ святымъ мѣстамъ дѣлаетъ обязательнымъ только для людей зажиточныхъ. Но, конечно, если путешествіе предприметъ бѣдный человѣкъ, то это еще скорѣе доставитъ спасеніе его душѣ.

весьма значительную сумму, которую и не замедлилъ обратить на военныя потребности, присоединивъ ее къ общественной казнѣ, о которой онъ больше всего заботился. Нужды же людей, способныхъ къ войнѣ, но недостаточныхъ, хотя удовлетворялись насчетъ этого же пая, но такіе расходы были весьма невелики, потому что оружіе, напримѣръ, выдавалось нуждавшимся изъ общественнаго арсенала (при домѣ Шамиля), лошадь изъ общественныхъ табуновъ, рабочій скотъ и бараны изъ общественныхъ же стадъ. Слѣдовательно, деньги нужны были только на покупку различныхъ принадлежностей одежды, что, конечно, требовало весьма немногаго.

4) *Масакинъ* («недостаточные люди»). Эта часть, вѣроятно, была учреждена пророкомъ вслѣдствіе того же побужденія, которое заставило Генриха IV выразить желаніе, чтобы каждый изъ его подданныхъ ѣлъ по праздникамъ курицу. Недостаточныхъ людей въ Дагестанѣ было такъ много, что если бы Шамиль вздумалъ придерживаться условій «масакина» съ тою строгостію, которая указана шарріатомъ, то онъ былъ бы въ необходимости одѣлять этими деньгами девятнадцать-двадцатыхъ всего населенія. Поэтому, чтобы не обидѣть никого, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы усилить способы вспоможенія людямъ, лишеннымъ средствъ къ существованію, которыхъ въ Дагестанѣ тоже было немало, Шамиль присоединилъ сумму масакинъ къ суммѣ фукара.

5) *Фукара* («нищіе»). Самое названіе этого пая говоритъ о его назначеніи. Къ разряду нищихъ Шамиль причислилъ круглыхъ сиротъ, калѣкъ, людей, разоренныхъ войною, и вообще всѣхъ лишенныхъ возможности добывать пропитаніе собственнымъ трудомъ. Всѣ такіе люди получали изъ означенныхъ суммъ пособіе, обезпечивавшее существованіе ихъ на довольно продолжительное время. Самые же паи употреблялись по своему назначенію вполнѣ, безъ всякаго измѣненія.

Низамъ 11. Фальшивая монета.

Обращавшаяся въ горахъ ходячая монета была только русскаго чекана, и именно серебряная. Были, правда, грузинскіе двадцати и сорокакопѣечники, но ихъ обращалось очень немного, да горцы и не питали къ нимъ должнаго довѣрія, такъ что когда въ одно время грузинская монета появилась въ горахъ въ довольно значительномъ количествѣ, то горцы совсѣмъ было не хотѣли признавать ее ходячею монетою. Дѣло это вскорѣ

приняло сложные размѣры и наконецъ представлено было на разрѣшеніе Шамиля, который приказалъ принимать монету повсемѣстно, только не по сорока, а по тридцати копѣекъ.

Изъ остальной ходячей монеты въ горахъ было очень много полуимперіяловъ и голландскихъ червонцевъ; много было также и бумажныхъ денегъ, но онѣ не имѣли никакой цѣнности и, часто не узнаваемыя въ своемъ достоинствѣ, предавались уничтоженію. Тѣ же, о которыхъ горцы имѣли должное понятіе, немедленно сбывались въ русскихъ крѣпостяхъ или болѣе смышленымъ родичамъ, жившимъ на мирную ногу. Въ этихъ случаяхъ соразмѣрности въ обмѣнѣ никакой не было, и часто сторублевый билетъ сбывался за одинъ рубль, а то и еще дешевле.

Мѣдныхъ денегъ въ обращеніи совсѣмъ не было, а тѣ, которыя попадались какимъ нибудь случаемъ горцу въ руки, обыкновенно шли въ ломъ, какъ дѣловая мѣдь. Преимущественно же онѣ употреблялись серебряниками для черняти.

При такихъ неблагопріятныхъ для развитія общественныхъ сношеній условіяхъ, Шамиль узнаетъ однажды, что въ немирномъ краѣ обращается въ большомъ количествѣ фальшивая монета и что выдѣлкою ея занимаются сами горцы. Представленные образчики оказались превосходными, такъ что, по словамъ одного изъ членовъ семейства Шамиля, «фальшивый полуимперіялъ былъ гораздо вѣрнѣе настоящаго».

Горцы чеканили только полуимперіялы и серебряные рубли. Первые выдѣлывались изъ такъ называемой «зеленой» мѣди и потомъ густо золотились, а послѣдніе просто изъ олова, тоже хорошо посеребреннаго.

Понимая очень ясно, что фальшивая монета составляетъ такой же точно вредъ для горцевъ, какъ и для Русскихъ, Шамиль призналъ необходимымъ преслѣдовать эту новую отрасль промышлености съ подобающею строгостію. Однако, имѣя въ виду и то, что на первый разъ невозможно будетъ заставить горцевъ смотрѣть на фабрикацію русской монеты, какъ на преступленіе противъ законовъ ихъ собственнаго отечества, Шамиль ограничился конфискаціею и уничтоженіемъ найденныхъ у фабрикаторовъ досокъ и другихъ аппаратовъ, а также запрещеніемъ заниматься такимъ мастерствомъ подъ опасеніемъ строгаго взысканія. Но когда онъ узналъ, что мѣра эта оказалась недѣйствительною и что фабрикація монеты получила

еще болѣе обширное развитіе, тогда, сверхъ личнаго взысканія съ виновныхъ, онъ придумалъ еще другую мѣру, способную, по его мнѣнію, если не искоренить преступленіе, то прекратить обращеніе въ странѣ фальшивой монеты: отбирая ее постепенно у обманутыхъ владѣльцовъ, онъ возложилъ удовлетвореніе ихъ на тѣхъ, отъ кого они ее получили, несмотря на то, что и они были обмануты точно такимъ же образомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на будущее время за выдѣлку фальшивой монеты онъ опредѣлилъ смертную казнь.

Мѣра эта, по словамъ его, оказалась дѣйствительною; по крайней мѣрѣ, онъ больше не слыхалъ о производствѣ фальшивой монеты въ томъ или другомъ мѣстѣ.

Низамъ 12. Военныя учрежденія.

Распоряженія Шамиля, вызванныя военными обстоятельствами, были разнообразны. Прежде всего къ этому низаму слѣдуетъ отнести раздѣленіе войскъ на части и учрежденіе военной іерархіи, съ которою до тѣхъ поръ горцы были незнакомы и въ составъ которой вошли: наибы, пятисотенные, сотники, пятидесятники и десятники. Всѣ они, такъ же, какъ и простые воины, содержанія отъ казны никакого не получали и вооружались тоже собственными средствами, за небольшими только исключеніями, о которыхъ было сказано выше.

Относительно продовольствія намъ уже извѣстно, что каждый горецъ обязанъ былъ запасаться имъ на собственный счетъ: такъ было и до Шамиля, когда самыя продолжительныя отлучки горцевъ изъ своихъ домовъ ограничивались нѣсколькими днями.

На этотъ срокъ нетрудно было взять съ собою продовольствіе и пѣшему воину; конному же и подавно. Но съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторые укрѣпленные пункты Дагестана начали подвергаться долговременной осадѣ, а хлѣбородная Чечня поставлена была въ необходимость выдерживать продолжительныя экспедиціи, прежній порядокъ, конечно, долженъ былъ или измѣниться, или утвердиться на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Съ этой цѣлью Шамиль издалъ слѣдующія постановленія:

Онъ обязалъ дагестанскихъ наибовъ, приходившихъ съ своими Лезгинами въ Чечню, запасаться всякимъ продовольствіемъ на извѣстный срокъ. Подъ словомъ «продовольствіе» разумѣлись бараны, хлѣбъ и соль. Все это закупалось для бѣдныхъ людей на счетъ суммъ, бывшихъ въ распоряженіи наибовъ, а

также и присылаемыхъ иногда изъ Веденя. Достаточные же воины обязаны были заготовлять продовольствіе на собственный счетъ и по мѣрѣ надобности перевозить его къ театру военныхъ дѣйствій на эшакахъ. Если же, по случаю неурожая въ Дагестанѣ, предвидѣлся въ провіантѣ недостатокъ, тогда Чеченцы должны были, въ силу шамилевскаго низама, продавать свои запасы наибамъ по цѣнамъ настоящимъ, «чеченскимъ». При этомъ условіи, цѣны назначались тѣ самыя, которыя существовали во время послѣдняго урожая. Продовольствіе для людей закупалось и въ этомъ случаѣ тоже на ихъ собственныя деньги.

Такой же точно порядокъ существовалъ и въ Дагестанѣ во время продолжительной осады укрѣпленныхъ мѣстъ, съ тою только разницею, что для защитниковъ ихъ гораздо было удобнѣе продовольствовать себя въ мѣстахъ своей осѣдлости, нежели въ отдаленіи отъ нихъ. Чеченцы же въ дагестанской войнѣ не принимали участія.

Въ видахъ усиленія военныхъ средствъ, Шамиль установилъ еще два налога независимо обыкновенныхъ податей: первый взимался деньгами, и ему подлежали зажиточныя вдовы, также люди, неспособные отбывать воинской повинности лично: старики, калѣки и другіе. Каждое изъ названныхъ лицъ обязано было вносить, смотря по состоянію, отъ 25 коп. до 2 руб. сер., ежегодно. На эти деньги покупался въ Чечнѣ для лошадей кавалеріи фуражъ (*).

Другимъ распоряженіемъ Шамиль обложилъ податью владѣльцевъ стадъ, полагая по одному барану со ста. Налогъ этотъ, вполнѣ удовлетворяя военнымъ нуждамъ, нисколько не былъ обременителенъ для населенія, такъ какъ дѣйствіе этого низама распространялось, какъ сказано выше, только на людей зажиточныхъ.

Въ крайнихъ случаяхъ, когда военныя дѣйствія не прекращались въ самый долгій, по предположенію, срокъ, и войска, за отдаленностію своихъ запасовъ, могли встрѣтить недостатокъ въ продовольствіи, Шамиль и, по его приказанію, наибы обращались къ патріотизму богатыхъ людей. По его словамъ, онъ никогда не встрѣчалъ отказа или равнодушія, которое обращало бы его просьбу въ приказаніе, а, напротивъ, почти всегда раз-

(*) Когда эти деньги были израсходованы, и у наибовъ не было уже другихъ средствъ къ пріобрѣтенію фуража, тогда лошади кавалеріи отправлялись домой однѣ, безъ всадниковъ.

мѣры пожертвованія превышали дѣйствительную потребность. Усердствуя къ общему дѣлу, богатые горцы присылали не только барановъ, но даже и деньги.

Шкуры войсковыхъ барановъ частію выдавались недостаточнымъ воинамъ, нуждавшимся въ теплой одеждѣ и въ буркахъ, а частію продавались, и вырученныя деньги обращались на военныя надобности. Шкуры воловьи употреблялись тоже такимъ образомъ; только въ домѣ Шамиля онѣ по большой части отдавались безплатно бѣглымъ солдатамъ.

Сумма «ибнъ-сабиль», представлявшая собою военный фондъ, повидимому, была значительна. Хотя настоящимъ образомъ Шамиль и не знаетъ ея цифры, но приблизительно ее можно опредѣлить на основаніи слѣдующихъ соображеній: войска, защищавшія Ведень, содержались на счетъ одной этой суммы; въ продолженіе всей осады, изъ нея истрачено сорокъ тысячъ рублей. Остальныя деньги, которыхъ осталось гораздо болѣе истраченныхъ, были разграблены горцами во время слѣдованія шамилевскаго транспорта изъ Ичичали въ Гунибъ (уже по взятіи Веденя). Наконецъ небольшая часть тѣхъ же денегъ дошла и до Гуниба.

Дальнѣйшее дѣйствіе военнаго низама распространялось на международныя сношенія горцевъ съ враждебными сосѣдями.

Въ видахъ преграждения непріятелю возможности пользоваться средствами страны, Шамиль запретилъ сбывать въ русскія крѣпости и въ мирные аулы всякаго рода хлѣбъ, желѣзо, лѣсъ и другія произведенія земли, а также и барановъ.

Продажу послѣднихъ онъ запретилъ во время осады Чоха, когда дошелъ до него слухъ, что Русскіе стали нуждаться въ продовольствіи и что будто бы начальникъ отряда (генералъ-адъютантъ князь Аргутинскій-Долгорукій) (*), узнавъ о множествѣ пригнанныхъ въ то время для продовольствія гарнизона барановъ, объявилъ чрезъ лазутчиковъ, что онъ будетъ покупать ихъ «по пятнадцати рублей серебромъ за штуку».

Заключивъ изъ этого о недостаткѣ продовольствія у осаждающихъ, Шамиль тотчасъ же издалъ свое запрещеніе, справедливо разсчитывая, что, въ извѣстныхъ случаяхъ, подобное обстоятельство способно разрушить самые обдуманные планы и самыя вѣрныя надежды противника. Виновные въ неисполненіи

(*) Шамиль зоветъ покойнаго князя «Аргутъ» и къ личности его питаетъ величайшее уваженіе.

этого низама подвергались аресту, а вырученныя ими деньги конфисковались въ пользу нашихъ бѣглыхъ солдатъ, о которыхъ Шамиль заботился очень много.

Что касается лѣсныхъ матеріяловъ, то, кромѣ причины, изложенной выше, законъ Шамиля былъ вызванъ еще и неразсчетливостію Чеченцевъ, истреблявшихъ цѣлые лѣса для того, чтобъ добыть нѣсколько бревенъ, изъ которыхъ они выпиливали доски и сплавляли ихъ вмѣстѣ съ другимъ сортомъ лѣса, по рѣкамъ, въ мирные аулы.

Если бы говорилъ это не самъ Шамиль, то трудно было бы повѣрить, что его занимала идея, составляющая достояніе одной изъ высшихъ практическихъ наукъ образованнаго міра. Кромѣ того, показаніе это наводитъ еще сомнѣніе другаго рода: мы знаемъ, что Чеченцы дѣйствительно не менѣе насъ дурно обращаются съ своими лѣсами; но мы не слыхали о значительномъ истребленіи лѣсовъ ими самими, а, напротивъ, во время экспедицій нашихъ по Чечнѣ, мы всегда находили лѣса такими же дѣвственными, какими создала ихъ природа, за исключеніемъ развѣ того ущерба, который производили наши просѣки и наши костры. Да и невозможно допустить вѣроятности подобнаго предположенія при томъ условіи, что лѣса служили Чеченцамъ главнѣйшимъ средствомъ къ оборонѣ. Потомъ, мы не слыхали также о существованіи въ Чечнѣ лѣсной торговли посредствомъ сплава. Если же чеченскія рѣки и способны къ тому, то въ шамилевскія времена, когда мы съ Чеченцами находились во враждебныхъ отношеніяхъ, дѣло это неминуемо должно было встрѣчать препятствія неодолимыя. Поэтому въ словахъ Шамиля можно предполагать ошибку, хотя на сдѣланное возраженіе онъ отвѣчалъ столь же утвердительнымъ образомъ, какъ и въ первый разъ.

Низамъ 13. Запрещенія.

Дѣйствіе этого низама распространялось на тѣ стороны обыденной жизни человѣка, которыя у христіанъ составляютъ необходимую принадлежность домашняго быта, а для мусульманъ запрещены кораномъ или положительно, или же въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что ими невольно возбуждается вопросъ: позволительно такое-то дѣйствіе или непозволительно? Въ свою очередь, и это сомнѣніе неизбѣжно порождаетъ предлогъ къ толкованію одного и того же предмета различными способами, не имѣющими между собою ничего общаго. Эту-

то особенность мусульманскаго законодательства и эти-то различные способы пониманія правилъ шарріата Шамиль и называетъ «различными дорогами». Избраніе той или другой дороги породило въ исламизмѣ секты, и, конечно, самая снисходительная изъ нихъ не та, къ которой принадлежитъ Шамиль.

Строгость Шамиля къ людскимъ слабостямъ и нетерпимость его во всемъ, что касалось удобствъ и разнообразія жизни, имѣли въ своемъ основаніи сколько убѣжденіе въ непреложности записанныхъ въ книги истинъ, столько же и увѣренность въ пользѣ примѣненія этихъ истинъ къ условіямъ, въ которыхъ страна находилась. Доказательствомъ послѣдняго предположенія служитъ между прочимъ и явное повременамъ уклоненіе Шамиля отъ нѣкоторыхъ основныхъ правилъ шарріата, въ чемъ онъ никакъ не хочетъ сознаться, утверждая, что онъ принялъ только на себя роль слѣпаго исполнителя велѣній шарріата.

Все это нигдѣ такъ ясно не обозначается, какъ въ нижеслѣдующихъ его постановленіяхъ:

Къ числу предметовъ, «положительно» запрещенныхъ кораномъ, слѣдуетъ отнести вино. Не довольствуясь этимъ, Шамиль запретилъ продавать виноградъ тѣмъ людямъ, которые «умѣютъ дѣлать вино».

По правиламъ шарріата, каждый случай пьянства наказывается сорока палочными ударами. Шамиль усилилъ это наказаніе, а впослѣдствіи обратилъ его въ смертную казнь для тѣхъ людей, которые, обнаруживая пристрастіе къ вину, были къ тому же извѣстны неодобрительнымъ поведеніемъ вообще.

Музыка, танцы, куреніе и нюханіе табаку принадлежатъ къ числу тѣхъ предметовъ, запрещеніе которыхъ открыло для послѣдователей шарріата множество «дорогъ». Мы уже знаемъ, какую дорогу избрали Персіяне, Турки и мусульмане другихъ націй. Шамиль выбралъ иную дорогу: за куреніе онъ приказалъ привѣшивать къ лицу курильщика трубку или табачный листъ посредствомъ продѣтой сквозь ноздри бичевки; за нюханіе онъ опредѣлилъ то же самое въ отношеніи табакерки или рога. Съ этимъ украшеніемъ водили виновнаго по деревнѣ, объявляя во всеуслышаніе о причинѣ, вызвавшей такое наказаніе. Сверхъ того, ихъ подвергали аресту, по усмотрѣнію наиба.

Меломановъ, уличенныхъ въ пристрастіи къ музыкѣ, тоже подвергали аресту или палочнымъ ударамъ, по усмотрѣнію на-

чальства. Принадлежавшіе же имъ инструменты немедленно предавались уничтоженію.

Танцы запрещены шарріатомъ не безусловно: для нихъ сдѣлано небольшое исключеніе — въ пользу двухъ случаевъ: празднованія свадьбы и обрѣзанія. Въ это время, мусульманамъ разрѣшается танцовать сколько душѣ угодно, съ такимъ, однако, условіемъ, чтобы мужчины танцовали своею компаніею въ одной комнатѣ, а женщины своею въ другой. Что касается музыки, то шарріатъ допускаетъ въ этихъ случаяхъ только одинъ инструментъ: родъ барабана, сдѣланнаго изъ кадушки или боченка, обтянутыхъ кожею.

Сообразивъ, что разрѣшеніе это, по свойственной людямъ слабости, можетъ подать поводъ къ дальнѣйшему соблазну, Шамиль запретилъ танцы совсѣмъ, а виновныхъ въ этомъ преступленіи раздѣлилъ на двѣ категоріи: къ одной причислилъ людей порядочныхъ, которые подвергались только наказанію палками, а къ другой — людей, пользовавшихся не совсѣмъ хорошею репутаціею. Этихъ наказывали иначе: имъ марали лицо сажею или грязью, сажали на эшака лицомъ къ хвосту и въ такомъ видѣ возили по селенію. Взрослые издѣвались надъ танцорами, а мальчишки бросали въ нихъ грязью.

Здѣсь тоже замѣтно явное уклоненіе Шамиля отъ точнаго выполненія указаній шарріата. Однако, онъ и въ этомъ не сознается, а въ видѣ довода утверждаетъ, что къ установленію такихъ низамовъ его побудило простое желаніе отвратить горцевъ отъ занятій, подробности которыхъ могли имѣть гибельное вліяніе на ходъ войны.

Но вѣнцомъ законодательства Шамиля, конечно, слѣдуетъ назвать постановленія о канлы (кровомщеніе) и по уничтоженію крѣпостнаго права. Первый изъ названныхъ предметовъ былъ уже подробно изложенъ нами прежде (*), а послѣдній находится въ такой тѣсной связи съ идеею равенства, лежавшею въ основаніи всѣхъ дѣйствій Шамиля, слѣдовательно и въ основаніи цѣлаго факта тридцатилѣтней войны на восточномъ Кавказѣ, что, разбирая подробности одного явленія, невозможно умолчать о другомъ. Все это, взятое вмѣстѣ, представляетъ предметъ очень сложный, требующій особаго изложенія, и мы, разсчитывая исполнить это въ самомъ непродолжительномъ вре-

(*) «Канлы», въ 7 № «Военнаго Сборника» за 1860 годъ.

мени, скажемъ теперь вкратцѣ, что постановленіями своими по предмету крѣпостнаго права Шамиль разъяснилъ великую путаницу, господствовавшую въ счетахъ владѣльцевъ съ ихъ крестьянами, и тѣмъ самымъ, положивъ начало свободы для многихъ, неправильно закабаленныхъ въ рабство, значительно облегчилъ участь другихъ, которые, согласно основныхъ мусульманскихъ постановленій, должны были остаться въ крѣпостномъ состояніи. Независимо отъ того, онъ радикально уничтожилъ крѣпостное право въ селеніяхъ Каххъ, Куанибъ, Хиннибъ и Тлягилюкъ, которыми съ незапамятныхъ временъ аварскіе ханы владѣли на помѣщичьемъ правѣ.

Заканчивая этимъ нашъ очеркъ, мы воздержимся отъ окончательнаго приговору законодательству Шамиля. Скажемъ только, что на это дѣло можно смотрѣть двоякимъ образомъ: съ точки зрѣнія общечеловѣческихъ правъ и съ точки зрѣнія обстоятельствъ, въ которыхъ страна находилась.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, не будетъ, кажется, лишнимъ выслушать мнѣніе самого Шамиля.

Сознаваясь въ излишней суровости своихъ законовъ, онъ между прочимъ говоритъ:

— Правду сказать, я употреблялъ противъ горцевъ жестокія мѣры: много людей убито по моему приказанію.... Билъ я и Шатоевцовъ, и Андійцовъ, и Тадбуртинцовъ, и Ичкеринцовъ; но я билъ ихъ не за преданность къ Русскимъ—вы знаете что они никогда ее не выказывали—а за ихъ скверную натуру, склонную къ грабительству и разбоямъ.... Правду ли я говорю, вы можете убѣдиться теперь сами, потому что и вы будете ихъ бить все за ту же склонность, которую имъ очень трудно оставить. Потому я не стыжусь своихъ дѣлъ и не боюсь дать за нихъ отвѣта Богу....

LIBRARY OF CONGRESS
0 019 933 464 5